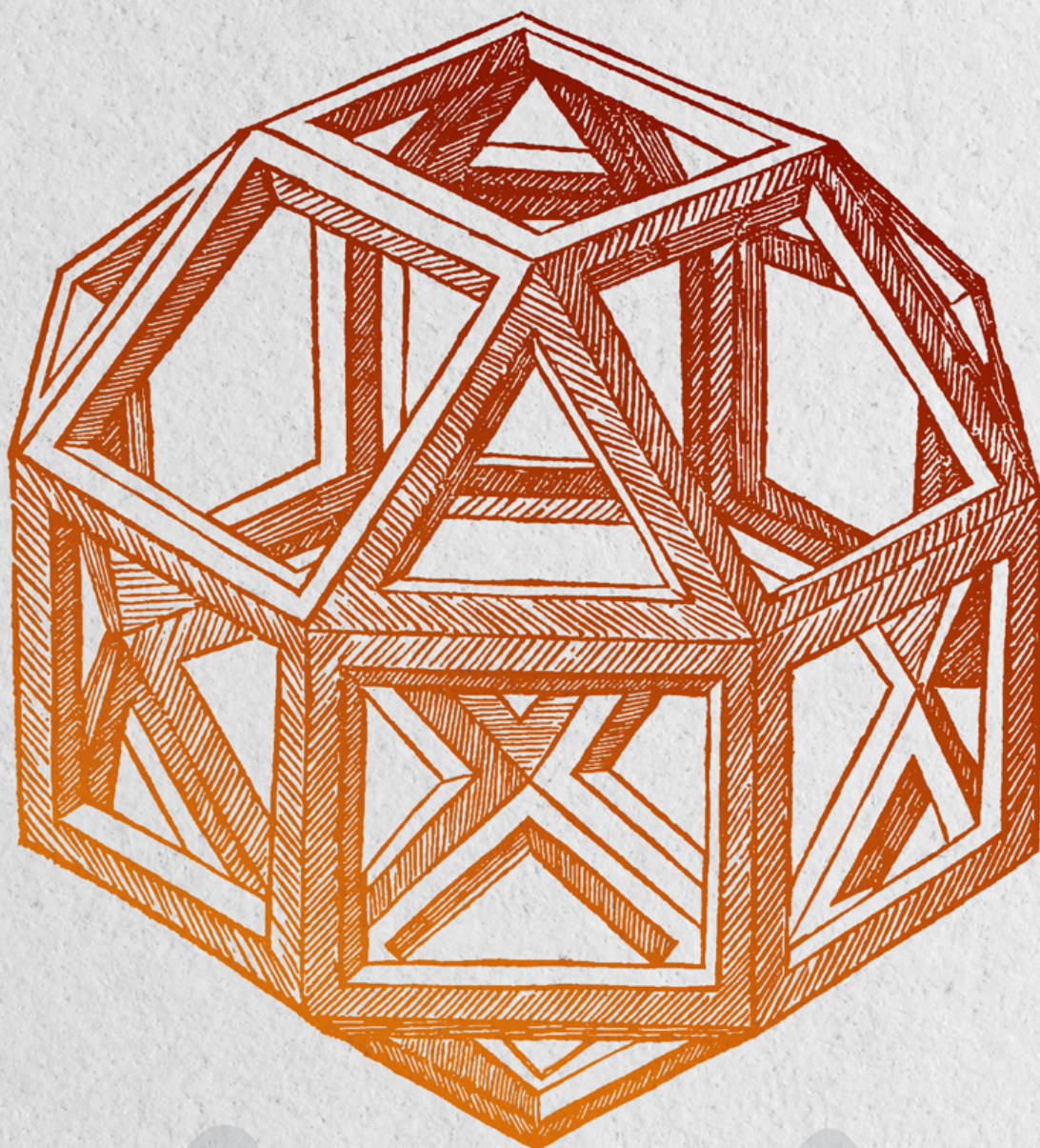

ПИТЕР БЁРК

ПОЛИМАТ

*История универсальных людей
от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг*

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Питер Бёрк

**Полимат. История универсальных
людей от Леонардо да
Винчи до Сьюзен Сонтаг**

«Альпина Диджитал»

2020

Бёрк П.

Полимат. История универсальных людей от Леонардо да Винчи до
Сьюзен Сонтаг / П. Бёрк — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-00-139910-0

Обычно под полиматами понимают универсальных людей, одаренных в разных областях. Как ни странно, эти удивительные личности, наделенные почти сверхъестественными способностями, почти не изучены как явление. Книга известного историка Питера Бёрка – удачная попытка восполнить этот пробел. Согласно его определению, полиматы – не просто эрудиты с широкими интересами, а ученые, обладающие энциклопедическими знаниями о предмете или его существенном сегменте. В чем состоит их уникальность и можно ли их классифицировать? Какие черты – врожденные или приобретенные – способствуют полиматии? Насколько важны для этих людей социокультурные и экономические условия, в которых они живут и работают? Как на них влияют технический прогресс и информационный взрыв? Выживут ли полиматы как «вид» в условиях углубляющейся специализации? Питер Бёрк ищет ответы на эти и другие вопросы, исследуя историю и «среду обитания» полиматов – от Пифагора до Джареда Даймонда, от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг. «В последние годы термин „полимат“, раньше применявшийся только в отношении ученых, распространился на людей, чьи достижения простираются от спорта до политики... Однако в этой книге мы сосредоточимся все-таки на академическом знании, которое ранее именовалось „ученостью“». «На персональном уровне важен вопрос о том, что двигало этими людьми. Была ли это простая, но всепоглощающая любознательность, то самое августианское „только чтобы узнать“, или что-то еще лежало в основе того, что политолог Гарольд Лассуэлл в своих мемуарах назвал „страстью к всезнанию“? Что заставляло их переходить от одной науки к другой? Быстрая потеря интереса или невероятная степень открытости ума? Где полиматы находили время и силы для своих разносторонних занятий? На что они жили?» «В книге пойдет речь о Европе и обеих Америках с XV столетия

и до наших дней. Она начинается с uomo universale эпохи Возрождения, но основное внимание в ней уделено долгосрочным последствиям того, что можно назвать двумя кризисами учености, первый из которых пришелся на середину XVII, а второй – на середину XIX века. Оба были связаны с широким распространением книг (пока еще рано говорить о долгосрочных последствиях третьего кризиса, вызванного цифровой революцией). Все три кризиса привели к тому, что можно назвать информационным взрывом – как в смысле стремительного распространения знаний, так и в смысле их фрагментации». Для кого Книга предназначена для широкого круга любознательных читателей, в особенности тех, кого интересуют вопросы социологии, философии, культуры, развития личности и истории науки.

ISBN 978-5-00-139910-0

© Бёрк П., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Предисловие и благодарности	9
Введение	11
Определения	12
Дисциплины	13
Цели и методы	14
Типы полиматов	16
Мифология полиматов	18
1	20
Греки	21
Римляне	23
Китай	25
Раннесредневековая Европа	27
Исламский мир	29
Высокое Средневековье	32
2	34
Идеал универсальности	35
Миф об универсальности	37
Действие и мысль	38
Ученые	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Питер Бёрк

Полимат. История универсальных людей от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг

Переводчик *Татьяна Лисицына*

Научный редактор *Надежда Проказина*

Редактор *Елена Смолина*

Издатель *П. Подкосов*

Руководитель проекта *А. Шувалова*

Ассистент редакции *М. Короченская*

Корректоры *Е. Барановская, Е. Чудинова*

Компьютерная верстка *А. Ларионов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Peter Burke, 2020

Originally published by Yale University Press.

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2023

* * *

ПИТЕР БЁРК

ПОЛИМАГ

*История универсальных людей
от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг*

Москва, 2023

*Памяти Эйзы Бриггса, Дэвида Дэйчеса, Мартина Уайта
и сассекского проекта по составлению «новой карты учености».*

*Также посвящается Марии Луши, которая умеет делать три
дела одновременно*

Нет ничего лучше, чем знать все.
ПЛАТОН

*Превосходить самих себя должны мы –
Иль небеса напрасно нам даны?*
РОБЕРТ БРАУНИНГ, АНДРЕА ДЕЛЬ САРТО

Специализация – удел насекомых.
РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Предисловие и благодарности

На протяжении последних двадцати лет своей работы я периодически обращался к истории знания, опубликовав общий обзор, двухтомную «Социальную историю знания» (*A Social History of Knowledge, 2000–2012*) и введение в предмет «Что такое история знания?» (*What is the History of Knowledge? 2016*). Последней по теме стала монография «Изгнанники и эмигранты в истории знания» (*Exiles and Expatriates in the History of Knowledge, 2017*). Как и книга об изгнанниках, данная работа выросла из общего очерка и превратилась в самостоятельное исследование. Тема привлекала меня давно. Хотя моя собственная математическая и естественно-научная неграмотность снимает вопрос о всестороннем подходе, свойственном полиматам, я долго разделял знаменитый тезис Люсьена Февра и Фернана Броделя: лучшую историю пишет тот, кто выходит за пределы этой науки, хотя бы время от времени.

Во время прохождения трехлетнего курса истории в Оксфорде я интересовался и другими дисциплинами – например, ходил на лекции Гилберта Райла по философии, Роя Харрода по экономике, Дж. Р. Р. Толкина по средневековой литературе, Майкла Аргайла по психологии и, что оказалось самым важным для моего будущего, Эдгара Винда по истории искусств. В аспирантуре я начал заниматься социологией и антропологией, посещать семинары по истории науки, а также семинар Норманна Бирнбаума и Айрис Мёрдок по концепции отчуждения.

Узнав, что новый Сассекский университет будет работать на принципах междисциплинарности, я немедленно подал туда заявление и с 1962 по 1979 год преподавал в Школе европейских исследований, сотрудничая с коллегами – историками искусства, социологами, специалистами по английской и французской литературе. Благодаря накопленному – особенно в Сассексе – опыту я почувствовал, что обязательно должен написать книгу об отдельных ученых и небольших группах, занимающихся не только деталями, но и картиной в целом, а также «переводом» понятий и практик из одной дисциплины в другие.

Мне было приятно находиться, пусть и опосредованно, в компании этих одаренных мужчин и женщин – полиматов, о которых идет речь в этой книге. С некоторыми из них мы были давними знакомыми, порой даже друзьями, а достижения других стали мне известны только в ходе исследования.

Я хотел бы поблагодарить Тарифа Халиди и Джефффри Ллойда за комментарии к главе 1; Вакаса Ахмеда за присланные мне в 2013 году опросник о полиматах и первоначальный вариант его книги; Кристофа Лундгрена, Фабиана Крамера и исследовательскую группу «Две культуры» (*Zwei Kulturen*) Берлинско-Бранденбургской академии наук за плодотворное обсуждение моих идей; а также Энн Блэр, Стивена Болди, Арндта Брендеке, Криса Кларка, Рут Финнеган, Мируса Фитцнера, Хосе Марию Гарсиа Гонсалеса, Майкла Хантера, Габриэля Йосиповичи, Нила Кенни, Кристель Лейн, Дэвида Лейна, Ханьсун Ли, Робина Милнер-Галланда, Уильяма О'Райли, Улинку Рублак, Найджела Спайви, Марека Тамма и Марианну Турмелен за информацию, советы и справочные данные.

Некоторые мои мысли о полиматах уже были представлены публике в статьях и лекциях¹. Я надеюсь, что более полная версия окажется лучше, чем предшествовавшие ей схематичные очерки. Выступление с одними и теми же идеями в разных местах и обстоятельствах часто вело к уточнениям и изменениям. Поэтому я особенно благодарен слушателям моих лекций в Белу-Оризонти, Берлине, Брайтоне, Кембридже, Копенгагене, Энгельсберге, Франкфурте и Готе за их вопросы и комментарии. Я искренне признателен Роберту Бальдоку и Хизер МакКаллум из издательства Yale University Press за одобрение моей рукописи, а двум анонимным

---

¹ См., в частности: Peter Burke, 'The Polymath: A Cultural and Social History of an Intellectual Species', in D. F. Smith and H. Philsooph (eds.), *Explorations in Cultural History: Essays for Peter McCaffery* (Aberdeen, 2010), 67–79.

рецензентам и редактору Ричарду Мейсону – за конструктивные предложения. И, как обычно, благодарю Марию Лусию за внимательное прочтение всей рукописи и мудрые советы.

Введение

Полимат. Кто это?

Говорят, история сурова к полиматам. Одних не помнят вовсе, а других «втискивают в рамки узких, более понятных нам категорий»². Как мы не раз убедимся в дальнейшем, помнят их либо за что-то одно, либо только за малую часть их разнообразных достижений. Пришла пора восстановить справедливость. В последнее время появляется все больше исследований о таких личностях – возможно, это реакция на нашу культуру, в которой господствует специализация. Автор с благодарностью использовал подобные монографии: это книги не только о гигантах, таких как Леонардо или Лейбниц, но и о почти забытых фигурах вроде Дюмон-Дюрвиля и Уильяма Риса³. Труднее найти общие, обзорные работы, хотя и их число постепенно растет, особенно в части коротких журнальных статей или радиопрограмм⁴.

Предпринимая попытку дать подобный обзор, автор вступает в область культурной и социальной истории знания. Любая отрасль знаний, практическая или теоретическая, заслуживает отдельной историографии. Охотники и собиратели нуждались в самых разнообразных сведениях о мире, чтобы выжить; земледельцев называл «разносторонними» географ Фридрих Ратцель, который сам был полиматом⁵. Ремесленники, акушерки, торговцы, правители, музыканты, футболисты и многие другие группы людей нуждаются в конкретных знаниях и владеют ими, причем отдельные личности – на очень высоком уровне. В последние годы термин «полимат», раньше применявшийся только в отношении ученых, распространился на людей, чьи достижения простираются от спорта до политики.

---

² Alexander Murray (ed.), *Sir William Jones, 1746–1794* (Oxford, 1998), v.

³ Edward Dyker, *Dumont Durville: Explorer and Polymath* (Dunedin, 2014); D. Ben Rees, *The Polymath: Reverend William Rees* (Liverpool, 2002).

⁴ Edward Carr, 'The Last Days of the Polymath', *Intelligent Life*, Autumn 2009; Burke, 'The Polymath', in Smith and Philsooph (eds.), *Explorations in Cultural History*, 67–79; Eric Monkman and Bobby Seagull, 'Polymathic Adventure', BBC Radio 4, от 21 августа 2017. Свежий общий обзор с использованием более широкого, чем в этой книге, понятия «полимат» см. в: Waqas Akbar Ahmed, *The Polymath: Unlocking the Power of Human Versatility* (Chichester, 2019).

⁵ Цит. по: Woodruff D. Smith, *Politics and the Sciences of Culture in Germany, 1840–1920* (New York, 1991), 138.

Определения

В специальной сетевой дискуссионной группе им, например, было дано такое определение: «полимат – это человек, интересующийся и занимающийся многими предметами»⁶. Однако в этой книге мы сосредоточимся все-таки на академическом знании, которое ранее именовалось «ученостью». Речь пойдет об ученых, чьи интересы были энциклопедическими в изначальном смысле слова, то есть охватывали полный круг знаний предмета или его существенный сегмент.

По этой причине из списка были исключены два предпринимателя: Илон Маск, получивший ученые степени по экономике и физике, прежде чем основать Tesla и другие компании, и Сергей Брин, изучавший математику и программирование, а затем основавший Google вместе с другим специалистом по информатике, Ларри Пейджем. Я также сомневался, стоит ли писать о таком разностороннем человеке, как Джон Мейнард Кейнс, поскольку многие его интересы выходили за пределы академического знания. Друг Кейнса, Леонард Вулф, писал, что тот был «университетским преподавателем, чиновником, биржевым спекулянтом, бизнесменом, журналистом, писателем, фермером, арт-дилером, государственным деятелем, театральным антрепренером, библиофилом и освоил еще полдюжины прочих профессий». Сам Кейнс отмечал, что «хороший экономист должен обладать редким сочетанием талантов. Он должен достигнуть высокого уровня в нескольких областях и объединять в себе те качества, которые нечасто встречаются вместе. Ему – в той или иной степени – нужно быть математиком, историком, государственным деятелем, философом». По этому критерию, не говоря уже про интерес ко многому из того, чем занимался Исаак Ньютон, Кейнс, безусловно, отвечает нашим требованиям⁷.

В следующих главах пойдет речь о нескольких знаменитых писателях, в частности Гёте, Джордж Элиот, Олдосе Хаксли и Хорхе Луисе Борхесе, но они были выбраны главным образом потому, что писали не только художественные произведения. В список попал и Владимир Набоков, но не как автор «Лолиты», а как литературный критик, энтомолог и автор книг по шахматам, в то время как Август Стриндберг интересует нас как историк культуры, а не драматург. И напротив, Умберто Эко появится на страницах этой книги как ученый, который писал романы.

---

⁶ www.dubage.com/API/ThePolymath.html, дата обращения: 15 июля 2016 г.

⁷ Леонард Вулф, цит. по: Richard Davenport-Hines, *Universal Man: The Seven Lives of John Maynard Keynes* (London, 2015), p. 7; Кейнс, цит. по: Там же, p. 137.

Дисциплины

Если мы говорим о полимате как о человеке, овладевшем несколькими научными дисциплинами, то возникает вопрос: что есть дисциплина? История академических дисциплин носит двоякий характер – институциональный и интеллектуальный. Термин «дисциплины» во множественном числе является производным от слова «дисциплина» в единственном; это слово, в свою очередь, произошло от латинского глагола *discere*, «учиться», в то время как слово *disciplina* было переводом древнегреческого *askesis* – «обучение» или «упражнения». В классической Античности в представление об образовании-дисциплине в той или иной степени входили как минимум четыре сферы человеческой деятельности: атлетика, религия, война и философия. Люди учились под руководством мастера (становясь «учеником» – *discipulus* по-латыни, *disciple* в современном английском) и, усвоив знания, практиковали своеобразный аскетизм – самоконтроль в отношении тела и ума.

Со временем слово «дисциплина» стало относиться к конкретной области знаний. В Древнем Риме наука о молниях и громе называлась *disciplina etrusca*, поскольку именно этруски хорошо разбирались в этих небесных явлениях. В V веке Марциан Капелла писал о семи дисциплинах, известных также как «семь свободных искусств»: грамматике, логике, риторике, арифметике, геометрии, музыке и астрономии. Разделение знания на отдельные дисциплины подразумевало организацию, институционализацию и, разумеется, начало долгого процесса специализации⁸. Чтобы избежать проецирования более поздних представлений на прошлое, я пишу о магии как о дисциплине, когда речь идет о XVI – XVII столетиях, а термины «биология», «антропология» и т. д. стараюсь употреблять только применительно к тем периодам, когда эти слова уже вошли в обращение.

Задачу историка осложняет и то, что критерии, позволяющие назвать ученого полиматом, менялись на протяжении последних шести столетий. По мере того как старые дисциплины распадались на более мелкие, размывалось само понятие «много», и планка, соответственно, снижалась. В современных статьях полиматом могут назвать ныне здравствующего человека, который внес оригинальный вклад в две науки, например экономику и юриспруденцию. Сколь бы странным ни казалось, что два – это много, способность одновременно преуспевать в двух направлениях интеллектуальной деятельности теперь считается большим достижением⁹.

---

⁸ Сравнительный анализ ранних этапов существования «дисциплин» см. в: Geoffrey Lloyd, *Disciplines in the Making* (Oxford, 2009).

⁹ Carr, 'The Last Days of the Polymath', о судье Ричарде Познере. Аналогичным примером служит экономист и философ Амартия Сен.

Цели и методы

Исследование основано преимущественно на просопографии, коллективной биографии группы из пятисот человек, которые жили и работали на Западе с XV по XXI век (их имена перечислены в Приложении). Что характерно, «просопография ученых» была одним из «страстных увлечений» Пьера Бейля, видного полимата XVII столетия¹⁰. Несмотря на подчеркнутый интерес именно к коллективной биографии, автор нечасто прибегает к статистике. Хотя в книге будет отмечено соотношение мужчин и женщин, представителей духовенства и светских лиц в выбранной группе, на многие вопросы невозможно дать четкий количественный ответ.

Трудности возникают даже при попытке отнести того или иного полимата к католикам или протестантам. Из католичества в протестантизм перешли Себастьян Мюнстер и Филипп Меланхтон. К числу протестантов, обратившихся в католическую веру, относятся Лука Голштениус, Кристина Шведская, Петер Ламбек и Нильс Стенсен, в то время как Юст Липсий долго не мог определиться, переходя из одного вероисповедания в другое. Бенито Ариас Монтано формально был католиком, но, по-видимому, принадлежал к тайной секте, «Семье Любви». Жан Боден, возможно, принял иудаизм. Джордано Бруно, похоже, создал свою собственную религию. Исаак Ньютон формально принадлежал к англиканской церкви, но не верил в Святую Троицу.

Помимо обобщений, книга содержит разбор отдельных примеров. Большое внимание в ней уделено гигантским фигурам, «исполинам эрудиции», говоря словами голландца Германа Бургаве, который жил на рубеже XVII и XVIII столетий и сам внес вклад в медицину, физиологию, химию и ботанику. В небольших очерках о полиматах второго ряда речь пойдет об их особенностях и путях в науке.

Но какими бы примечательными ни были отдельные персонажи, эта книга – не просто портретная галерея. Она претендует на большее. Каждый портрет нуждается в «рамке», будь то сравнение с другими или, что требуется чаще, помещение в общий контекст. Одна из главных задач исследования заключается в описании интеллектуальных и социальных тенденций с целью выяснить, какие формы общественной организации и особенности интеллектуального климата являются благоприятными для полиматов, а какие, наоборот, не способствуют их успехам. Необходимо установить, где и когда научная любознательность поощрялась или подавлялась. Последнее чаще происходило по религиозным причинам, примером чего служит знаменитое высказывание святого Августина, который порицал «желание рыться в тайнах природы», поскольку знание их «не принесет никакой пользы, но люди хотят узнать их только, чтобы узнать»¹¹. Но и Августину была знакома радость познания (*rerum cognoscione laetitia*)¹².

Таким образом, связующая нить истории, изложенной в книге, сплетена из противоположных, но взаимосвязанных сюжетов: специализации и синтеза. Как правило (если не всегда), будет ошибкой сводить историю к простому линейному сюжету. Многие важные тенденции сопровождалась движением в обратном направлении. Развитие организованной специализации довольно долго сосуществовало с противоположным по сути, но столь же организованным стремлением к междисциплинарности. По мере того как развивалась специализация интеллектуального труда, даже полиматы становились своего рода специалистами. Их часто называют «генералистами», поскольку их специальностью было общее знание или, по крайней мере,

¹⁰ 'la prosopographie des savants... a toujours été une de mes passions' (Пьер Бейль своему брату Жакобу, 1675, цит. по: Hubert Bost, *Pierre Bayle* [Paris, 2006], 387). Подобная просопография была дана Христианом Готлибом Йёхером во «Всеобщем словаре ученых» (Christian Gottlieb Jöcher, *Allgemeines Gelehrten-Lexicon*, Leipzig, 1750).

¹¹ Августин Блаженный. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сепреенко. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. С. 206.

¹² Augustine, *De vera religione*, 49.

объединение знаний из нескольких областей. Заметный вклад полимагов в историю познания состоял в том, что они видели связи между сферами, отделившимися друг от друга, и подмечали то, что специалисты, остававшиеся в рамках конкретных дисциплин, видеть не могли. С этой точки зрения они напоминают тех ученых, которые добровольно или вынужденно покинули свою родину и перебрались в места с другой культурой знаний¹³.

Большое внимание в книге уделяется выживанию полимагов в культуре растущей специализации. Можно было ожидать вымирания этого «вида» в XVIII, XIX или, наконец, XX столетии, но он продемонстрировал потрясающую живучесть. Чтобы объяснить подобную стойкость, нужно изучить «среду обитания вида», его культурную нишу, которой часто, но не всегда, являются университеты. Сами университеты то благоприятствовали полиматам, то совсем наоборот. Некоторые из таких ученых выбирали карьеру за пределами университетских стен, поскольку она давала больше свободы. Другие переходили с факультета на факультет, с кафедры на кафедру, словно протестуя против ограниченности конкретных дисциплин. Как мы увидим, лишь немногие университеты были достаточно гибкими, чтобы допускать подобные перемещения.

На персональном уровне важен вопрос о том, что двигало этими людьми. Была ли это простая, но всепоглощающая любознательность, то самое августинское «только чтобы узнать», или что-то еще лежало в основе того, что политолог Гарольд Лассуэлл в своих мемуарах назвал «страстью к всезнанию»?¹⁴ Что заставляло их переходить от одной науки к другой? Быстрая потеря интереса или невероятная степень открытости ума? Где полиматы находили время и силы для своих разносторонних занятий? На что они жили?

---

¹³ Peter Burke, *Exiles and Expatriates in the History of Knowledge, 1500–2000* (Waltham, MA, 2017).

¹⁴ Leo Rosten, 'Harold Lasswell: A Memoir', in Arnold A. Rogow (ed.), *Politics, Personality and Social Science in the 20th Century* (Chicago, 1969), 1–13, at 5.

Типы полиматов

К различиям между типами полиматов мы будем возвращаться на этих страницах не один раз. Думается, будет полезно охарактеризовать некоторых из них как пассивных (в противоположность активным), ограниченных (в противоположность многопрофильным) и последовательных (в противоположность симультаным). Под пассивными я подразумеваю людей, которые, как кажется, знают обо всем на свете, но не создали ничего (или, во всяком случае, ничего нового). На границе между пассивными и активными стоят сторонники синтеза и систематизации знаний типа Фрэнсиса Бэкона или Огюста Конта. «Ограниченный полимат» – очевидный оксюморон, но необходим какой-то термин для обозначения тех ученых, которые занимаются несколькими связанными между собой дисциплинами в поле гуманитарных, естественных или социальных наук. На страницах этой книги мы будем называть их «кластерными».

Ученых, занимавшихся несколькими науками более или менее одновременно, можно противопоставить тем, кто переходил от одной дисциплины к другой на протяжении своей интеллектуальной жизни и кого мы условно назовем «последовательными» (по аналогии с теми, кто практикует последовательную полигамию). Один из них, Джозеф Нидем, начал свою автобиографию с вопроса: «Как случилось, что биохимик превратился в историка и сиолога?»¹⁵ Удовольствие, связанное с написанием этой книги, в немалой степени состояло именно в отслеживании подобных поворотов, а также в попытках разобраться, чем они были вызваны.

Еще одна возможная типология выделяет всего два типа полиматов: ученый «центробежного» типа, накапливающий знания и не задающийся при этом вопросом о взаимосвязях между ними, и ученый «центростремительного» типа, верящий в единство знания и пытающийся свести его отдельные части в большую систему. Первая группа получает удовольствие – или, наоборот, страдает – от всепоглощающей любознательности. Представители второй группы очарованы (кто-то скажет – одержимы) тем, что один из них, Генрих Альстед, назвал «красотой порядка»¹⁶.

Делению на «центробежных» и «центростремительных» вторит предложенное Исайей Берлином в знаменитой лекции о Толстом разграничение между теми, кого он (вслед за древнегреческим поэтом Архилохом) назвал «лисами», знающими «многое», и «ежами», знающими «что-то одно, но важное»¹⁷. Это разграничение не должно быть слишком резким, что признавал и сам Берлин, говоря о Толстом как о «лисе», который считал, что ему следовало быть «ежом». Большинство полиматов (если вообще не все) на этой шкале окажутся где-то между двумя крайними точками, и многих из них тянуло (и тянет) в обоих направлениях – так создается творческое напряжение между центробежными и центростремительными силами.

Возьмем Иоганна Иоахима Бехера, немецкого врача XVII столетия, ставшего математиком, алхимиком и советником императора Леопольда I по тем вопросам, которые мы сейчас называем экономической политикой. На языке своего времени Бехер был прожектором, человеком с амбициозными и часто нереалистичными замыслами, включавшими в себя превращение песка или свинца в золото. «Он публиковал работы по химии, политике, торговле, универсальному языку, дидактическому методу, медицине, моральной философии и религии».

---

¹⁵ 'Henry Holorenschaw', 'The Making of an Honorary Taoist', in Mikuláš Teich and Robert Young (eds.), *Changing Perspectives in the History of Science* (London, 1973), 1–20, at 1.

¹⁶ Johann Heinrich Alsted, *Encyclopaedia* (1630), предисловие.

¹⁷ Isaiah Berlin, *The Hedgehog and the Fox: An Essay on Tolstoy's View of History* (London, 1953). См. также: Stephen J. Gould, *The Hedgehog, the Fox and the Magister's Pox* (London, 2003), призыв к «плодотворному единению этих кажущихся полярными противоположностей» (5).

Интересы Бехера кажутся центробежными, но, как предполагают сейчас, их связывала воедино идея круговорота в природе и обществе¹⁸.

---

¹⁸ Pamela H. Smith, *The Business of Alchemy: Science and Culture in the Holy Roman Empire* (Princeton, NJ, 1994), 14; Mikuláš Teich, 'Interdisciplinarity in J. J. Becher's Thought', in Gotthardt Frühsorge and Gerhard F. Strasser (eds.), *Johann Joachim Becher* (Wiesbaden, 1993), 23–40.

Мифология полиматов

Познания отдельных полиматов преувеличивались столь часто и до такой степени, что мы можем говорить о мифологии данного «вида». Часто их описывали как людей, обладающих неким абсолютным знанием, а не просто овладевших академическим багажом определенной культуры. Такие описания восходят к очень давним временам. Средневековый поэт Джон Гауэр именовал Одиссея «ученым мужем, познавшим всё на свете». Иезуита XVII века Афанасия Кирхера называли «последним человеком, знавшим всё»¹⁹. К более поздним претендентам на это звание относятся преподаватель Кембриджского университета Томас Юнг, американский профессор Джозеф Лейди и, из самых близких к нам по времени, итальянский физик Энрико Ферми, которого современники неоднократно характеризовали подобным образом, хотя, как говорится в недавно вышедшей биографии, «его познания в науках за пределами физики были поверхностными, а представления об истории, искусстве, музыке и многом другом – мягко выражаясь, ограниченными»²⁰. Столь распространенное использование прилагательного «последний» подчеркивает необходимость исследования, охватывающего, подобно нашей книге, длительный период времени.

Чуть более скромен подзаголовок к сборнику эссе Умберто Эко, вполне подходящий для почитателя Хичкока: «человек, который знал слишком много»²¹. То же самое говорили про специалиста по информатике и криптоаналитике Алана Тьюринга и натурфилософа Роберта Гука. Сходным образом по отношению ко многим полиматам употребляли фразу «последний человек эпохи Возрождения» – так характеризовали, например, философа Бенедетто Кроче и специалиста по поведенческим наукам Герберта Саймона. Биохимика-синолога Джозефа Нидема называли «ренессансным человеком XX века», а литературного критика Джорджа Стайнера – «очень сильно запоздавшим человеком Возрождения». Гука именовали «лондонским Леонардо», Павла Флоренского – «неизвестным русским да Винчи», а о Гарольде Лассуэлле говорили как о «Леонардо бихевиоризма», который был «в своей науке настолько близок к человеку эпохи Возрождения, насколько это возможно для ученого-политолога»²². Термин «женщина эпохи Возрождения» тоже широко использовался в самых разных областях, от музыковедения до сексологии²³.

Примеры словоупотребления, приведенные на предыдущих страницах, укрепляют миф о гении-одиночке, достигшем всего самостоятельно, как в знаменитой истории из детства Блеза Паскаля, заново «открывшего» геометрию без помощи книг и наставников. Некоторые полиматы действительно были одиночками, а Леонардо даже более, чем все остальные,

¹⁹ Paula Findlen (ed.), *The Last Man Who Knew Everything* (London, 2004).

²⁰ Andrew Robinson, *Thomas Young: The Last Man Who Knew Everything* (London, 2006); Leonard Warren, *Joseph Leidy: The Last Man Who Knew Everything* (New Haven, 1998); David Schwartz, *The Last Man Who Knew Everything: The Life and Times of Enrico Fermi* (New York, 2017), 365. Восемнадцать персоналий перечислены на соответствующей странице ресурса Hmolpedia, 'Last person to know everything', <http://www.coht.info/page/Last+person+to+know+everything>.

²¹ Sandro Montalto (ed.), *Umberto Eco: l'uomo che sapeva troppo* (Pisa, 2007). См. также: Stephen Inwood, *The Man Who Knew Too Much: The Strange and Inventive Life of Robert Hooke* (London, 2002) и David Leavitt, *The Man Who Knew Too Much: Alan Turing and the Invention of the Computer* (London, 2006).

²² О Кроче так отзывался Антонио Грамши; о Саймоне см.: Ha-Joon Chang, *23 Things They Don't Tell You about Capitalism* (London, 2011), 173; Maurice Goldsmith, *Joseph Needham: Twentieth-Century Renaissance Man* (Paris, 1995); о Стайнере – Антония Байетт; о Флоренском: Avril Pyman, *Pavel Florensky, a Quiet Genius: The Tragic and Extraordinary Life of Russia's Unknown Da Vinci* (New York, 2010); о Лассуэлле: Steven A. Peterson, 'Lasswell, Harold Dwight', in Glenn H. Utter and Charles Lockhart (eds.), *American Political Scientists: A Dictionary* (2nd edn, Westport, CT, 2002), 228–30, at 229; Bruce L. Smith, 'The Mystifying Intellectual History of Harold D. Lasswell', in Arnold A. Rogow (ed.), *Politics, Personality and Social Science in the 20th Century* (Chicago, 1969), 41.

²³ N. J. Pearce, 'Janet Beat: A Renaissance Woman', *Contemporary Music Review* 11 (1994), 27; Melanie Davis, 'Sandra Risa Leiblum, Ph.D: Sexology's Renaissance Woman', *American Journal of Sexuality Education* 5 (2010), 97–101.

однако в юности он был очень популярен при миланском дворе. Джамбаттиста Вико, которого часто описывают как одинокого и замкнутого человека, вел вполне светскую жизнь в Неаполе, по крайней мере, в молодые годы. Маленькие сообщества часто стимулируют творческую активность своих участников, и некоторые идеи, которыми впоследствии прославились полиматы, возможно, родились именно во время обсуждений и споров, описанных в восьмой главе²⁴. Как бы там ни было, если бы я не считал, что многие полиматы внесли колоссальный вклад в мир знаний, то никогда бы не написал эту книгу.

В дальнейшем мы обсудим (или хотя бы упомянем) немало достижений и открытий, но эта книга – не только история успеха. Большие знания даются дорогой ценой. В некоторых случаях для тех, кого современники называли шарлатанами (о них речь пойдет ниже), такой ценой была поверхностность. Представление о том, что полиматы – мошенники, бытует уже очень давно, по меньшей мере со времен Древней Греции, когда Пифагора объявили обманщиком. Живший в XVII веке епископ Гилберт Бёрнет, обладавший достаточно широкими интересами, чтобы судить по своему опыту, писал: «Очень часто те, кто занимаются сразу многими вещами, слабы и поверхностны во всех них»²⁵. В других случаях мы видим то, что можно назвать синдромом Леонардо, – распыление сил и энергии, из-за которого блестящие проекты оказываются брошенными или незаконченными.

В книге пойдет речь о Европе и обеих Америках с XV столетия и до наших дней. Она начинается с *uomo universale* эпохи Возрождения, но основное внимание в ней уделено долгосрочным последствиям того, что можно назвать двумя кризисами учености, первый из которых пришелся на середину XVII, а второй – на середину XIX века. Оба были связаны с широким распространением книг (пока еще рано говорить о долгосрочных последствиях третьего кризиса, вызванного цифровой революцией). Все три кризиса привели к тому, что можно назвать информационным взрывом – как в смысле стремительного распространения знаний, так и в смысле их фрагментации. Позже будет рассмотрена и реакция на фрагментацию.

Дабы напомнить читателю, что полиматы процветали не только на современном Западе, в следующей главе приводятся краткие сведения о некоторых многосторонних ученых – от древних греков до полиматов конца Средневековья, с вкраплениями из истории Китая и исламского мира. Эта глава потребовала от автора выхода из зоны интеллектуального комфорта, но если пишешь о полиматах, нужно быть готовым браться за то, в чем ты совсем не силен.

---

²⁴ См.: Robert K. Merton, 'The Matthew Effect in Science', *Science* 159 (1968), Issue 3810, 56–63, где обсуждается вопрос о позднейшем приписывании крупным ученым открытий, сделанных учеными второго ряда, как иллюстрации слов из Евангелия от Матфея: «...кто имеет, тому дано будет и приумножится».

²⁵ Письмо Бёрнета к Лейбницу от 27 февраля 1699 года, цит. по: Maria Rosa Antognazza, *Leibniz: An Intellectual Biography* (Cambridge, 2009), 559.

1

Восток и Запад

Казалось бы, в донаучную эпоху или в такой период, как Средневековье, когда существовало всего несколько научных дисциплин, не было особой необходимости в понятиях «эрудит» или «полимат». Любознательность была нормой для того времени, можно сказать, настройкой по умолчанию. Писать книги, рассказывающие о самых разных вещах, тоже было принято. Поскольку сам объем знаний был меньше, чем в эпоху Возрождения и последующие времена, при определенном усилии человек мог овладеть по меньшей мере основными формами знания (не говоря уже о тех познаниях, которые требовались для повседневных дел). И тем не менее в Античности (и греческой, и римской), Древнем Китае, исламском мире и странах средневековой Европы были люди, которых уже тогда чтили за их невероятно широкую образованность, а некоторых уже критиковали за недостаточную глубину познаний.

Греки

Первая дискуссия о ценности знаний (как и многие другие ученые дискуссии) была записана в Древней Греции. Философ Гераклит (ок. 535 – ок. 475 гг. до н. э.), рассуждая о разносторонних личностях, утверждал, что «многознание (*polymathie*) уму (*noos*) не научает» (фр. 40)²⁶. Философ Эмпедокл (ок. 495–435 гг. до н. э.), занимавший противоположную позицию в споре, заявлял, что «учение (*mathé*) растит мудрость» (фр. 17). Определенно значим и тот факт, что некоторые греки чтили богиню Полиматею.

В разных формах этот спор будет вновь и вновь возникать на протяжении последующих столетий, всегда одинаковый по сути, но с разными акцентами и в разных обстоятельствах. Главный конфликт в нем происходит между широтой и глубиной, между берлиновским «лисом», который «знает о многих вещах», и его «ежом», который «знает одну, но важную». Однако в разных местах и в разное время этот конфликт переплетается с другими: между любителями и специалистами, теорией и практикой, чистым и прикладным знанием, деталями и общей картиной, строгой точностью и импрессионизмом²⁷.

Возвращаясь от обобщений к отдельным личностям, испытывающим необычайно сильную тягу к разного рода знаниям, можно начать с Пифагора и софистов, хотя мы знаем о них в основном по свидетельствам критиков и учеников, а их собственные произведения дошли до нас в крайне немногочисленных отрывках.

Интересы Пифагора с Самоса (ок. 570 – ок. 495 гг. до н. э.), духовного учителя, или, говоря современным языком, гуру, основавшего своего рода секту, простирались от идеи переселения душ до атлетики и вегетарианства (хотя его последователям запрещалось есть бобы). Пифагора помнят как математика, особенно как автора знаменитой теоремы, хотя это авторство оспаривалось. Мнения о нем, как и о многих полиматах более поздних эпох, были разными. Уже упомянутые Эмпедокл и Гераклит придерживались противоположных точек зрения. Эмпедокл хвалил Пифагора как «человека с огромными познаниями», в то время как Гераклит считал его «предводителем лжецов» (или «мошенников»: *kopid ōn*).

Более разносторонними, чем Пифагор, были так называемые софисты, к которым применимо выражение «ходячие энциклопедии». Это были странствующие преподаватели самых разных предметов, составлявших полноценный учебный курс (оригинальный греческий термин для этого – *encyklios paideia*, от которого и происходит наше слово «энциклопедия»). Некоторые софисты хвастались, что могут ответить на любой вопрос, и собеседники обращались к ним, как мы сейчас обращаемся к печатным или электронным энциклопедиям.

К числу самых знаменитых софистов принадлежал Гиппий из Элиды (ок. 460 – после 399 гг. до н. э.). Считается, что он преподавал астрономию, математику, грамматику, риторику, музыку, историю, философию и мнемонику (искусство запоминания, необходимое ораторам). Сегодня его помнят благодаря платоновскому диалогу «Гиппий Меньший», в котором он выведен как самонадеянный персонаж, от чьих претензий Сократ не оставляет камня на камне. В диалоге Гиппий хвалится, что может «говорить о чем угодно по выбору собеседника из тех предметов, что он приготовил для публичного обсуждения, и ответить на любой вопрос, заданный кем угодно»²⁸.

---

²⁶ Однако этот фрагмент сохранился лишь благодаря тому, что его процитировал Диоген Лаэртский, у которого была своя задача. В любом случае, возможно, лучше трактовать *noos*, «ум», не как понимание, а как способность рассуждать. Я благодарю Джеффри Ллойда за это замечание.

²⁷ Isaiah Berlin, *The Hedgehog and the Fox* (London, 1953).

²⁸ W. K. C. Guthrie, *The Sophists* (Cambridge, 1971), 280–85; Patricia O'Grady, 'Hippias' in O'Grady (ed.), *The Sophists* (London, 2008), 56–70.

Вернемся к положительным примерам. Аристотель (384–322 гг. до н. э.) прославился сочинениями самой широкой тематики. В его случае широта интересов не привела к обвинениям в поверхностности. Чаще всего Аристотеля вспоминают как философа, занимавшегося вопросами логики, этики и метафизики, но он также писал о математике, риторике, поэзии, политической теории, физике, космологии, анатомии, физиологии, естественной истории и зоологии²⁹.

Двух разносторонних ученых сравнивали с атлетами: Посидония Родосского (ок. 135 – ок. 51 гг. до н. э.) и Эратосфена Киренского (ок. 276–194 гг. до н. э.).

Посидоний по прозвищу Атлет писал о философии, астрономии, математике, географии и истории. Почему ему дали такое прозвище – остается загадкой. В Древней Греции атлеты были в большом почете, а выше мы уже отмечали параллель между дисциплиной, необходимой спортсмену, и дисциплиной умственного труда. Олимпийские игры включали в свою программу соревнования спортсменов, которых мы теперь называем многоборцами, в частности пентатлон – состязания по пяти видам спорта, проходившие в один день. В то же время сравнение полимата с атлетом восходит к описанию Гиппия, которое дает Сократ в платоновском диалоге, и это не очень хороший знак.

Случай Эратосфена Киренского столь же неоднозначен. Этот ученый, заведовавший самой знаменитой библиотекой греко-римского мира – Александрийской, был прозван Пентатлом за особый интерес к пяти предметам. На самом деле все то, что он изучал, по нашим понятиям, дает в сумме не менее семи дисциплин: это грамматика, литература, философия, геометрия, география, математика и астрономия. Также его называли Бета, и это прозвище напоминает о характеристике, которую один британский историк дал своему коллеге, назвав его «капитаном запасной команды». Иными словами, прозвище Пентатл могло быть и критикой, и данью уважения³⁰.

---

²⁹ Существует огромное количество дополнительной литературы по Аристотелю, в том числе Maurice Manquat, *Aristote naturaliste* (Paris, 1932) и Geoffrey Lloyd, *Aristotle: The Growth and Structure of his Thought* (Cambridge, 1968). См. также оценку вклада Аристотеля в естественные науки, сделанную тремя специалистами: G. E. L. Owens, D. M. Balme and Leonard G. Wilson, 'Aristotle', *DSB* 1, 250–81.

³⁰ Christian Jacob, 'Un athlète du savoir', in C. Jacob and F. de Polignac (eds.), *Alexandrie* (Paris, 1992), 113–27; Klaus Geus, *Eratosthenes von Kyrene* (Oberhaid, 2011, 32–34).

Римляне

В Древнем Риме, в отличие от Греции, мы встречаем не только похвалы выдающимся интеллектуальным «многоборцам», но и советы людям, изучающим конкретные предметы, овладевать более широкими знаниями – возможно, в качестве противодействия первым росткам специализации.

Цицерон (106–43 гг. до н. э.), один из самых красноречивых ораторов римского мира, начинает свой трактат «Об ораторе» (*De oratore*, 55 г. до н. э.) со слов о необходимости широких познаний (*scientia... rerum plurimarum*) как условия достижения успеха в этом искусстве. Трактат продолжается в форме диалога между Марком Крассом и Марком Антонием, в котором Красс утверждает, что, «какова бы ни была тема», оратор будет говорить о ней лучше, нежели человек, ограничившийся только этой отраслью знаний³¹. В еще одном знаменитом трактате о риторике – «Воспитании оратора» (*Institutio oratoria*) Марка Фабия Квинтилиана (35 – после 96 гг. н. э.), известного как просто Квинтилиан, – также утверждается, что будущий оратор должен знать все науки. Автор упоминает имена восьми ученых: пяти греческих, включая Гиппия, и трех римских, в том числе Цицерона. Как ни парадоксально, контекст трактата подразумевает растущую специализацию риторов, а также грамматиков и юристов³².

В области архитектуры аргументы, сходные с мнениями Цицерона и Квинтилиана об ораторе, высказывал Марк Витрувий Поллион (ум. после 15 г. до н. э.). Витрувий утверждал, что его профессия – мультидисциплинарная область знаний (*scientia pluribus disciplinis et variis eruditionibus ornata*). По его мнению, идеальный архитектор должен знать литературу, владеть навыком рисования, разбираться в геометрии, истории, философии, музыке, медицине, законах и астрологии (включающей в себя то, что мы называем астрономией)³³.

К образцовым полиматам относится грек-экспатриант Александр Милетский (Луций Корнелий Александр, ум. в 36 г. до н. э.), привезенный в Рим в качестве раба-педагога и получивший прозвище Полигистор, то есть «человек, изучающий многие вещи». В римских текстах часто упоминаются еще три римских эрудита: Катон, Варрон и Плиний Старший.

Квинтилиан цитирует Марка Порция Катона, известного также как Катон Старший (234–149 гг. до н. э.), как знатока военного дела, философии, ораторского искусства, истории, права и сельского хозяйства, а Цицерон вкладывает в уста Красса следующие слова о Катоне: «Не было ничего такого, что можно было знать или изучить в то время [сто лет назад], чего он не исследовал, не усвоил и, что еще важнее, о чем не написал»³⁴. За свою долгую жизнь, в которой ему приходилось занимать разные политические и военные должности, Марк Теренций Варрон (116–27 гг. до н. э.) написал более семидесяти трудов о древностях, языке, сельском хозяйстве, истории, законах, философии, литературе и мореходстве, не говоря уже о его сатирах. Цицерон описывал Варрона как «человека, выдающегося своим умом и всеобъемлющими познаниями» (*vir ingenio praestans omnique doctrina*), в то время как Квинтилиан отмечал, что тот писал о «многих, почти всех видах знаний» (*Quam multa paene omnia tradidit Varro!*)³⁵. Трактат Варрона о «науках» во множественном числе (*Disciplinae*) считается «первой энциклопедией, существование которой надежно доказано»³⁶. Сам текст утрачен, но нам известно, что в трактате шла речь о семи свободных искусствах, а также об архитектуре и медицине.

³¹ Этот аргумент во многом повторяет «Горгия» Платона. Снова благодарю Джеффри Ллойда за то, что он обратил на это мое внимание.

³² Quintilian, *Institutio Oratoria*, 12.xi.21–24.

³³ Vitruvius, *De Architectura*, 1.i.1, 1.i.3.

³⁴ Cicero, *De Oratore*, 3.xxxiii.135.

³⁵ Quintilian, *Institutio*, 12.XI.24; D. J. Butterfield (ed.), *Varro Varius: The Polymath of the Roman World* (Cambridge, 2015).

³⁶ Trevor Murphy, *Pliny the Elder's Natural History: The Empire in the Encyclopaedia* (Oxford, 2004), 13.

Плиний Старший (23–79 гг. н. э.) занимался юридической практикой, командовал флотом и был советником нескольких императоров, но, как заметил его племянник, «считал потерянным любое время, потраченное на что-то, кроме занятий науками». Раб читал ему вслух, в то время как он сам надиктовывал тексты другому рабу. Плиний писал трактаты о грамматике, риторике, военном деле, политической истории, военной кавалерии, а также составил энциклопедическую «Естественную историю» (*Naturalis Historia*), которая его и прославила. Охват этого труда гораздо шире того, что впоследствии стали называть естествознанием. Во вступлении автор с гордостью пишет, что использовал для работы более двух тысяч книг и что ни один грек единолично не описал этот предмет с такого количества сторон. Хотя некоторые утверждения Плиний основывает на личных наблюдениях, в основном он все-таки был компилятором. В то же время в предисловии к «Естественной истории» он осуждает плагиаторов. Должно быть, Плиний догадывался, что в последующие столетия его тексты будут заимствовать не раз.

Китай

Было бы странно, если бы любознательность и энциклопедические знания встречались только у представителей западной традиции. Действительно, «не прекращай изучать то, чего еще не знаешь» – это знаменитая фраза из классического текста «Чжун юн» («Учение о середине»). В китайском языке есть слова для обозначения полиматии – босюэ («обширные познания») или боу («обширная ученость»), а того, кто овладел знаниями, называют боши («эрудит, выдающийся ученый»). Все эти понятия возникли в период с V по II в. до н. э.³⁷

Как и у греков, среди китайских ученых обсуждался вопрос о широте познаний, что имело важные последствия в виде знаменитой системы экзаменов для отбора чиновников³⁸. В эпоху Сун (960–1279) от экзаменуемого требовалось знание классических текстов, поэзии, истории и политики. В знаменитом документе «Доклад в десять тысяч слов», относящемся к неудачной попытке реформы, государственный деятель Ван Аньши (1021–1086) сетовал на слишком общий характер образования будущих чиновников. Он утверждал, что способность к правлению «лучше всего развивается в сосредоточении на чем-то одном и разрушается из-за слишком большого количества наук, которые необходимо изучить»³⁹. В последующие столетия маятник качался между специальными и общими знаниями. Например, в «Наставлениях к практической жизни» Ван Янмин (1472–1529) критиковал обширные познания как поверхностные, так как считал, что самопознание и самовоспитание важнее любых знаний о внешнем мире⁴⁰. Тем не менее экзаменационные испытания на «широту познаний и слов» проводились с 1679 по 1736 год⁴¹.

Любое сравнение осложняется из-за различий в терминологии – например, в китайской мысли «не существует понятия, которое соответствует греческому слову „философия“» – и в классификации. Китайские «карты интеллектуальных дисциплин, как теоретических, так и практических или прикладных, очень сильно отличаются и от греческих, и от наших собственных»⁴². Различия между китайскими и греческими представлениями о том, что входит в комплекс научных дисциплин, тоже затрудняют сравнение. Например, для китайских ученых были одинаково важны теория музыки, искусство предсказания и критика живописи и каллиграфии.

Определенное представление о широте познаний и об интересах китайских полиматов могут дать жизнь и произведения трех ученых. Хуэй Ши (370–310 гг. до н. э.), живший в эпоху Сражающихся царств, имел обширные интересы. Его труды не дошли до наших дней, но живой образ ученого сохранился в знаменитом даосском собрании притч и коротких историй «Чжуан-цзы». Согласно этому тексту, Хуэй Ши был «многоопытным мужем», а «его писания занимали пять повозок». С другой стороны (такая критика часто звучала в адрес полиматов), там же говорится, что он «впустую растратил свой талант, не добившись ничего»⁴³.

В эпоху Сун жили два ученых-чиновника, Су Сун (1020–1101) и Шэнь Ко (1031–1095). Первый прославился главным образом строительством башни для придворных астрономов

³⁷ Howard L. Goodman, 'Chinese Polymaths 100–300 AD', *Asia Major* 18 (2005), 101–174, at 110.

³⁸ John Chaffee, *The Thorny Gates of Learning in Sung China: A Social History of Examinations* (Cambridge, 1985); Benjamin A. Elman, *A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China* (Berkeley, CA, 2000).

³⁹ Цит. по: John Meskill (ed.), *Wang An-shih: Practical Reformer?* (Boston, MA, 1963), 8.

⁴⁰ Wang Yangming, *Instructions for Practical Living* (English translation – New York, 1963), 13, 62. См. также: Benjamin A. Elman, *On Their Own Terms* (Cambridge, MA, 2005), 4–7.

⁴¹ Hellmut Wilhelm, 'The Po-Hsüeh Hung-ju Examination of 1679', *Journal of the American Oriental Society* 71 (1951), 60–66.

⁴² Geoffrey Lloyd, *Disciplines in the Making* (Oxford, 2009), 10, 45.

⁴³ «Чжуан-цзы», глава 33 в *Complete Works of Chuang Tzu* (New York, 1968), 374, 377. См. также: Angus G. Graham, *Disputers of the Tao* (Chicago, 1989), 76–81, 174–83.

и иллюстрированным трактатом с описанием ее механических часов, которые приводились в действие с помощью водяного колеса. Он также составлял карты, в том числе карты звездного неба. Вместе с помощниками он создал трактат по фармакологии, в котором описывалось применение растений, минералов и животных в медицине⁴⁴.

Что касается Шэнь Ко, его считают, «пожалуй, самым интересным персонажем в истории китайской науки»⁴⁵. Он писал о ритуалах, тяньвэнь (сочетание астрономии и астрологии), музыке, математике, медицине, управлении государством, искусстве войны, живописи, чае и поэзии, а также составлял карты (в том числе ранний образец карты рельефа). Отправившись в Монголию в качестве посла, он делал заметки об обычаях встреченных там племен. Хронист-современник отмечал «обширные» познания Шэнь Ко, а в XX веке его называли китайским Лейбницем (хотя, в отличие от Лейбница, он не пытался как-то обобщить свои разнообразные знания)⁴⁶. Самым знаменитым произведением Шэнь Ко, написанным уже после того, как ему пришлось уйти с государственной службы, стало собрание текстов (мы бы назвали их эссе), озаглавленное «Мэнси би тань» («Записи бесед в Мэнси», или «Беседы с кистью в Мэнси») и организованное по образцу многочисленных китайских энциклопедий, с делением на рубрики типа «Древние обычаи», «Литературная критика», «Странные истории» и «Каллиграфия и живопись»⁴⁷. Жанр би тань («беседы с кистью») идеально подходил для ученого-полимата.

Сравнение и противопоставление полиматов в Древней Греции и Китае может быть интересным с позиций классических представлений об изучении мира в этих двух культурах⁴⁸. Вклад греческих полиматов в копилку человеческих знаний связан с их педагогической деятельностью – тем, что объединяет Пифагора, Сократа, Платона и софистов. В основе достижений китайских полиматов, начиная с династии Хань, лежала их служба в государственном бюрократическом аппарате, так как при сдаче экзаменов на должность требовалось показать общие, а не специализированные познания. Поскольку аналогичные требования предъявляются к британским государственным служащим (которым тоже приходится сдавать экзамены, некогда учрежденные по китайскому образцу), их иногда называют «мандаринами».

Что касается упомянутых выше полиматов, Су Сун был министром чинов, а затем министром финансов, а Шэнь Ко одно время возглавлял управление астрономии. Он также руководил ирригационными работами, был чиновником в сфере финансов и командовал войском. Разнообразные интересы Шэнь Ко «были сформированы его опытом государственной службы»⁴⁹. Возможность писать заметки появилась у него уже после того, как группа, к которой он принадлежал, потеряла влияние, а сам он впал в немилость. В Европе в подобных обстоятельствах были созданы «Государь» Макиавелли и «История мятежа и гражданских войн в Англии» (The History of the Rebellion and Civil Wars in England) лорда Кларендона.

⁴⁴ Joseph Needham and Wang Ling, *Science and Civilization in China* (Cambridge, 1965). Т. 4, ч. 1, 446–465.

⁴⁵ Needham and Wang Ling, *Science and Civilization* (Cambridge, 1954), vol. 1, 135. И снова благодаря Джеффри Ллойда за то, что он указал на важность Шэнь Ко.

⁴⁶ Joël Brenier et al., 'Shen Gua (1031–1095) et les sciences', *Revue d'histoire des sciences* 42, 333–50. Об обширных познаниях см. с. 335. В книге Nathan Sivin, 'Shen Gua', *Science in Ancient China: Researches and Reflections* (Aldershot, 1995, vol. III, 1–53), упомянуты его «неистощимая любознательность» и приведены сравнения с Лейбницем и Ломоносовым, последнее из которых было сделано в «эпоху хороших отношений между Китаем и Советским Союзом» (11).

⁴⁷ Daiwie Fu, 'A Contextual and Taxonomic Study of the «Divine Marvels» and «Strange Occurrences» in the *Mengxi bitan*', *Chinese Science* 11 (1993–4), 3–35.

⁴⁸ Geoffrey Lloyd, *The Ambitions of Curiosity: Understanding the World in Ancient Greece and China* (Cambridge, 2002).

⁴⁹ Sivin, 'Shen Gua', 53.

Раннесредневековая Европа

Возвращаясь к западной традиции, мы видим, что поздняя Античность и раннее Средневековье были временем критического отношения к светскому знанию и его утраты. Ведущие христианские авторы вообще были противниками учености. К ним, в частности, относился Тертуллиан (ок. 155 – ок. 240 гг.), который утверждал, что со дня пришествия Христа «нам не нужна любознательность» (*Nobis curiositate opus non est*). В качестве другого примера, как мы уже видели, можно привести Блаженного Августина, критиковавшего «пустое и жадное любопытство», которое «рядится в одежду знания и науки»⁵⁰ (*vana et curiosa cupiditas nomine cognitionis et scientiae palliata*)⁵¹.

Хотя эпоха Средневековья больше не считается «Темными веками», временем невежества, трудно отрицать те утраты, которые понесла наука, а особенно отдельные ее отрасли, в период с 500 по 1000 год. Упадок городов сопровождался упадком грамотности. Библиотеки беднели. У Плиния в распоряжении было две тысячи книг, а в IX веке в библиотеках монастырей Райхенау и Санкт-Галлен, крупнейших интеллектуальных центров своего времени, насчитывалось не более четырехсот томов в каждой. Если для эрудитов более поздних эпох трудность состояла в том, что «знать нужно было слишком много», то для их раннесредневековых коллег проблема обозначалась словами «слишком мало». В Западной Европе было утрачено знание древнегреческого языка, а вместе с ним и значительная часть античной традиции, считавшейся языческой. Многие тексты, в том числе составленный Варроном обзор древней учености, больше не переписывались и были утеряны. Был утрачен немалый объем медицинских и математических познаний. В переписке двух ученых XII века, Регинбольда из Кельна и Радольфа из Льежа, обсуждается, что может означать выражение «внутренние углы треугольника». Как заметил один из ведущих медиевистов, это «впечатляющее напоминание об уровне невежества, с которым столкнулась эпоха»⁵².

В такой ситуации главной задачей ученых становилась «спасательная операция», попытка сохранить и собрать воедино остатки классической традиции, а не добавить к ней что-то новое (так называемые варвары, захватившие Римскую империю, принесли с собой новые знания, но они обычно передавались устным путем и поэтому затерялись в глубине веков). Собирая фрагменты греческого и римского знания, средневековые ученые их систематизировали – как в форме учебных курсов для школ, существовавших при соборах, так и в виде энциклопедий. «Семь свободных искусств» в итоге были поделены на тривиум (грамматика, логика и риторика, три дисциплины, связанные с языком и словом) и квадривиум (арифметика, геометрия, астрономия и теория музыки, связанные с числами).

Можно сказать, что, с одной стороны, в таких условиях стать универсальным полиматом было проще, чем прежде, поскольку меньше был сам объем изучаемого материала. С другой стороны, найти нужные книги стало значительно труднее. Ученые с широким кругозором, способные объединять разрозненные фрагменты в единое целое, были нужны как никогда. Наиболее выдающимися личностями такого типа были Боэций, Исидор Севильский и Герберт Орийякский⁵³.

Боэций (ок. 480–524), римский сенатор, консул и *magister officiorum* (иными словами, главный чиновник) при дворе остготского короля Теодориха, жил в Италии близ Равенны. Прославился он в основном своим трудом «Утешение философией» (*De consolatione philosophiae*,

⁵⁰ Августин Блаженный. Исповедь / Пер. с лат. М. Е. Сергеев. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. С. 205.

⁵¹ Tertullian, *De praescriptione haereticorum*. Книга 12, 14; Augustine, *Confessiones*. Книга 12, 14.

⁵² Richard Southern, *The Making of the Middle Ages* (London, 1953), 210.

⁵³ Также крупными фигурами были Кассиодор, Беда Достопочтенный и Алкуин из Йорка.

ок. 524), но, помимо этого, писал трактаты о логике, риторике, арифметике, музыке и теологии, а также переводил и комментировал тексты Пифагора, Аристотеля, Платона, Архимеда, Евклида, Птолемея и Цицерона. Современники говорили о Боэции, что он «упитан большими познаниями» (*multa eruditione saginatum*)⁵⁴. Осознавая, что в его эпоху ученость находилась под угрозой и нуждалась в сохранении, он спас весомую часть греческих текстов, сделав их доступными для читателей, владеющих латынью⁵⁵.

Исидор Севильский (ок. 560–636) назвал свою энциклопедию «Этимологии, или Начала» (*Etymologiae sive Origines*), поскольку обсуждение любого понятия (первым из которых является «дисциплина») начинается у него с происхождения самого слова. Исидор начинает с семи свободных искусств, затем переходит к медицине, праву, теологии, языкам, животным, устройству космоса, зданиям, кораблям, пище и одежде (следует особо отметить его интерес к техническим знаниям). Исидор, прозванный Христианским Варроном, цитирует самого Варрона двадцать восемь раз, но из вторых рук, что напоминает нам о том, сколь много работ античных авторов было утрачено к началу эпохи Средневековья. Считается, что у Исидора была команда помощников⁵⁶.

Герберт Орильякский (ок. 946–1003), французский монах, учившийся в Испании, преподавал в школе при Реймском соборе, затем стал настоятелем знаменитого монастыря в Боббио в Северной Италии и в итоге занял папский престол под именем Сильвестра II. Его интересы простирались от латинской словесности, особенно поэм Вергилия и пьес Теренция, до музыки, математики, астрономии и того, что мы сейчас назовем «технологией»: он умел пользоваться астрологией, абаком и, как считается, сконструировал орган.

Подобно Плинию, Герберт использовал ранние утренние часы для занятий. «В трудах и на досуге, – писал он о себе, – я учу тому, что знаю, и узнаю о том, чего я не знаю»⁵⁷. Его ученость вошла в легенды. Хронист Уильям Мальмсберийский, английский монах XII столетия, писал, что Герберт настолько легко овладел дисциплинами квадривия, что казалось, будто все они гораздо ниже возможностей его ума, а в знании астрологии превзошел александрийского ученого Птолемея. Уильям также называл Герберта некромантом, ведь ни один человек, по его мнению, не мог знать столько без помощи сверхъестественных сил, и писал, что тот создал голову статуи, которая ответит на любой вопрос (средневековый эквивалент современной Алексы)⁵⁸. Этот рассказ больше говорит о характерных для X – XI веков представлениях, нежели о самом Герберте, хотя, возможно, все это следует толковать как выражение изумления, вызванного не столько мастерским владением разными науками, сколько знанием вещей, которых тогда не знал никто, по крайней мере в Западной Европе.

⁵⁴ Cassiodorus, *Variarum Libri XII*, ed. Å. J. Fridh (Turnhout, 1973), I, 44.

⁵⁵ Henry Chadwick, *Boethius* (Oxford, 1981); Lorenzo Minio-Paluello, 'Boethius', *DSB* 2 (New York, 1981), 228–236.

⁵⁶ Isidore of Seville, *Etymologies* (English translation – Cambridge, 2006). О нем: John Henderson, *The Medieval World of Isidore of Seville* (Cambridge, 2007).

⁵⁷ Pierre Riché, *Gerbert d'Aurillac, le pape de l'an mil* (Paris, 1987).

⁵⁸ William of Malmesbury, *Gesta Regum Anglorum*, ed. and trans. R. A. B. Mynors (Oxford, 1998). II, 167–169, 172.

Исламский мир

Еще одним поводом для подозрений, которые Герберт вызывал у Уильяма, было то, что тот получил знания у мусульман (*a Saracenis*). Когда Герберт учился в Каталонии, это действительно было так. К тому времени ученые арабского, турецкого и персидского происхождения возродили гораздо больше из греческого наследия, чем было доступно западноевропейцам. Греческие тексты переводились на арабский и персидский языки напрямую либо через тексты христианских ученых, владевших сирийским языком. Некоторые из наиболее образованных людей исламского мира X – XII веков составляли комментарии ко многим трудам Аристотеля (или тем, что ему приписывались) и вполне могли вдохновляться его примером и подражать ему в широте знаний.

В арабском языке есть фраза со значением, аналогичным слову «полимат»: *tafannun fi al-'ulum* – ученый, чьи познания имеют «множество ветвей» (*mutafannin*). Однако, хотя набор дисциплин, которыми должны были овладеть арабские ученые, был похож на западный, различия все же существовали. *Falsafa* довольно точно переводится как «философия». В самом деле, это одно и то же слово, перешедшее из греческого в арабский, в то время как *Fikh* переводится как «право», а *Adab* более-менее соответствует греческому *paideia*, означающему «воспитание благородного ученого» (*Adib*). Интеллектуальный багаж такого образованного человека «обычно состоял из внушительного набора наук и искусств эпохи: сплетения религиозных учений, поэзии, филологии, истории и литературной критики, дополненных основательным знакомством с естественными науками, от арифметики до медицины и зоологии»⁵⁹.

Взгляды великого ученого Ибн Халдуна (о его собственных достижениях речь пойдет ниже), который писал, что хорошему секретарю «необходимо озаботиться знакомством с главными направлениями знания»⁶⁰, похожи на представления Квинтилиана об ораторе и Витрувия об архитекторе. В то время дисциплинами, наиболее отличными от западных, были толкование Корана (*Tafsir*), изучение текстов о словах и делах Мухаммеда (*Hadith*) и то, что мы бы назвали фармакологией (*Saydalah*). Что касается классификации знаний, то она включала в себя такие категории, как «рациональное знание» (*al-'ulum al-'aqliyya*) и «ученость древних» (*al-'ulum al-awa'il*).

Исламских ученых также называли «совершенными» (*kāmil*). Предполагалось, что «многогранность была качеством, к которому стремились все ученые мужи»⁶¹. В медресе, школах при мечетях, такая разносторонность поощрялась: ученики могли легко переходить от одного наставника (*shaykh*) к другому. В одном из исследований, посвященных средневековому Дамаску, утверждается, что «идеалом считалось свободное освоение разных наук у разных учителей, а не специализированное обучение отдельным предметам»⁶².

Вклад отдельных полиматов, подобных тем, о которых говорилось выше, оценить очень трудно, если не невозможно. И в исламском мире, и на средневековом Западе преобладало мнение, что задача ученого состоит в передаче традиционного знания, а не чего-то нового. Хотя были и эмпирические исследования, и даже открытия, большинство научных трудов представляли собой комментарии к книгам ученых-предшественников. В любом случае в культурах рукописных книг индивидуальному авторству придается гораздо меньшее значение, нежели в обществах, где существует книгопечатание. Сочинения учеников могли ходить под именем

⁵⁹ Tarif Khalidi, *Images of Muhammad* (New York, 2009), 104–105. Благодарю профессора Халиди за помощь в написании этого раздела.

⁶⁰ Цит. по: Robert Irwin, *Ibn Khaldun: An Intellectual Biography* (Princeton, NJ, 2018), 24.

⁶¹ Geert Jan Van Gelder, 'Compleat Men, Women and Books', in Peter Binkley (ed.), *Pre-Modern Encyclopaedic Texts* (Leiden, 1997), 241–59, at 247; George Makdisi, *The Rise of Humanism in Classical Islam and the Christian West* (Edinburgh, 1990), 110.

⁶² Michael Chamberlain, *Knowledge and Social Practice in Medieval Damascus* (Cambridge, 1994), 86.

их учителя, а переписчики зачастую с легкостью опускали или, наоборот, вставляли целые отрывки в текст, над которым работали (в некоторых трактатах встречаются проклятия в адрес писцов, искажавших текст таким образом).

Среди широко образованных ученых исламского мира есть четыре выдающиеся личности, жившие в IX – XIV веках (по западному летоисчислению): аль-Кинди, Ибн Сина (более известный под именем Авиценна), Ибн Рушд (Аверроэс) и Ибн Халдун⁶³.

Аль-Кинди (801–873) был родом из Басры и учился в Багдаде. Он писал о философии, математике, музыке, астрономии, медицине, оптике и различных шифрах, а также о производстве стекла, ювелирном деле, изготовлении доспехов и ароматов – областях прикладного знания, в чем был близок к китайскому ученому Су Суну, о котором шла речь выше. Один из авторов XIV века описывал аль-Кинди как «разностороннего человека», овладевшего «философией во всех ее частях»⁶⁴. В недавнем исследовании тоже отмечается «невероятная широта интересов аль-Кинди»⁶⁵. И совсем не удивительно, что некоторые его сочинения изучал Леонардо да Винчи.

Ибн Сина (ок. 980–1037) был родом из Бухары. Еще подростком он получил разрешение от Мансура II пользоваться огромной библиотекой эмира. Ибн Сина, прозванный Князем врачей, прославился своими работами по медицине и критическим комментарием к Аристотелю. В возрасте двадцати одного года он составил энциклопедию (*Kitab al-Majmu*), а затем перешел к работе еще над двумя трудами такого рода. Первый из них, «Канон врачебной науки» (*Al-Qanun*), был посвящен медицине. Во втором труде, «Книге исцеления» (*Al-Shifa*), автор предпринял попытку излечить людей от невежества, растолковывая и разъясняя логику, физику, метафизику, математику, музыку и астрономию. Ибн Сина также писал о географии и поэзии. Он изучал и одновременно критиковал алхимию. Также он занимался практической юриспруденцией и был визирем у эмира земель, которые сейчас являются частью Ирана⁶⁶.

Ибн Рушд (Аверроэс, 1126–1198), уроженец Кордовы, был врачом и судьей. Благодаря своему грандиозному начинанию – комментарию ко всем сочинениям Аристотеля – он получил прозвище Комментатор. Он также написал собственные труды по риторике, поэтике, астрономии, медицине, философии, математике и музыке⁶⁷.

После Ибн Рушда в списке исламских эрудитов возникает довольно большая лакуна – вплоть до появления Ибн Халдуна (1332–1406). Он родился в Тунисе, жил в Фесе и Гранаде, а умер в Каире. Свои труды он писал в перерывах между тремя успешными карьерами: политической (в качестве дипломата и придворного советника), юридической (в качестве судьи) и академической (в качестве преподавателя). На целых четыре года Ибн Халдун удалился в один из замков на территории современного Алжира, чтобы написать свой шедевр – труд под названием «Введение» (*Muqaddima*), содержащий ряд общих наблюдений и являющийся предисловием к «Книге поучительных примеров» (*Kitab al-'ibar*), в которой он изложил историю мусульманского мира. «Введение» ценится как вклад в социологию и политическую науку, хотя таких дисциплин во времена автора еще не существовало. Рассуждая в категориях того времени, мы можем сказать, что этот труд стал возможен благодаря обширным познаниям автора в географии, философии, теологии и медицине, а также его тонкому пониманию истории и таланту

⁶³ Также выдающимися учеными были Джабир ибн Хайян (ок. 721 – ок. 815), известный на Западе под именем Гебер; Ибн Баджа (ок. 1085–1138, Авенпаце); аль-Фараби (872–950, Альфарабиус); аль-Бируни (973 – ок. 1050) и Ибн Хазм (994–1064).

⁶⁴ Цит. по: George N. Atiyeh, *Al-Kindi: Philosopher of the Arabs* (Rawalpindi, 1966), 9.

⁶⁵ Peter Adamson, *Al-Kindi* (Oxford, 2007), 7. См. также: Fritz W. Zimmerman, 'Al-Kindi', in M. J. L. Young, J. D. Latham and R. B. Serjeant (eds.), *Religion, Learning and Science in the Abbasid Period* (Cambridge, 2014), 364–9.

⁶⁶ G. C. Anawati and Albert Z. Iskander, 'Ibn Sina', *DSB Supplement* 1, 495–501; Lenn E. Goodman, *Avicenna* (revised edn, Ithaca, NY, 2006); Robert Wisnovsky, 'Avicenna and the Avicennian Tradition', in Peter Adamson and Richard C. Taylor (eds.), *The Cambridge Companion to Arabic Philosophy* (Cambridge, 2006), 92–136.

⁶⁷ Dominique Urvoy, *Ibn Rushd (Averroes)* (London, 1991).

к обобщениям. Большой потерей для западного мира было то, что, в отличие от своих предшественников, Ибн Халдун был там неизвестен на протяжении долгого времени. Рукопись его главного труда была привезена в Лейден в XVII веке, но первые переводы на европейские языки появились лишь в XIX, а заслуженное признание в западном мире пришло к Ибн Халдуну только в XX столетии⁶⁸.

---

⁶⁸ Warren E. Gates, 'The Spread of Ibn Khaldun's Ideas on Climate and Culture', *Journal of the History of Ideas* 28 (1967), 415–22; Aziz al-Azmeh, *Ibn Khaldun in Modern Scholarship: A Study in Orientalism* (London, 1981); Robert Irwin, *Ibn Khaldun: An Intellectual Biography* (Princeton, NJ, 2018).

Высокое Средневековье

Бернарду Шартрскому, ученому XII века, приписываются слова о том, что он и его коллеги-ученые «подобны карликам, стоящим на плечах гигантов», иными словами, греков и римлян. Возможно, корректнее будет сказать, что средневековые европейские схоласты стояли на плечах мусульманских ученых, а те, в свою очередь, на плечах древних. В эпоху раннего Средневековья задача ученых состояла в спасении и сохранении того, что осталось от классической традиции. Позже стало необходимо не только возродить античное знание, которое было утрачено, но и освоить новое, накопленное исламским миром.

Главным новшеством этого периода, начиная с XI столетия, было основание университетов, главным образом в Болонье и Париже, что институционально оформило комплекс наук. Студенты должны были изучать семь свободных искусств – упомянутые выше тривиум и квадривиум. Дисциплины для окончивших этот курс включали теологию, право и медицину, необходимые для профессиональной подготовки духовенства, юристов и врачей. Несмотря на эти ранние признаки специализации, многие средневековые ученые придерживались традиции универсального образования. Наиболее выдающимися среди них были шестеро: Гуго Сен-Викторский, Винсент из Бове, Альберт Великий, Роберт Гроссетест, Роджер Бэкон и Раймунд Луллий⁶⁹.

Первые двое прославились своими энциклопедиями. Монах Гуго Сен-Викторский (ок. 1096–1141) был родом из Саксонии, но работал в Париже. Он писал о теологии, музыке, геометрии и грамматике, но известен главным образом своим «Дидаскаликон» (*Didascalicon*), энциклопедией, поделенной на части в соответствии с тремя типами знаний: теоретическими (например, такими как философия), практическими (куда входит политика) и «механическими» (включающими, помимо прочего, архитектуру и навигацию)⁷⁰. Доминиканский монах Винсент из Бове (ок. 1190–1264) составил вместе с помощниками энциклопедию «Великое Зерцало» (*Speculum Maius*, 1235–1264), опираясь как на тексты исламских авторов, в частности Ибн Сины, так и на сочинения древних греков и римлян. Как и «Дидаскаликон», энциклопедия Винсента состояла из трех частей; в данном случае они были посвящены знаниям о природе, теории и истории. Свободные и «механические» искусства, право и медицина были включены в раздел «теории»⁷¹.

Два полимата этой эпохи были англичанами: это Роберт Гроссетест (ок. 1175–1253) и Роджер Бэкон (ок. 1214 – ок. 1292). Роберт, епископ Линкольна, несомненно, получил прозвище Большая Голова (*Grosseteste*) за свои многочисленные и обширные познания. Он преподавал философию и теологию в Оксфорде, написал первый латинский комментарий к Аристотелю, но наиболее известен своими трудами по естествознанию – о звездах, свете, цвете, происхождении звуков, солнечном тепле и, вероятно, о приливах. Считается, что он «первым из известных нам мыслителей назвал рефракцию причиной появления радуги»⁷². Позднее он выучил греческий язык и стал одним из немногочисленных западных ученых, им владевших⁷³.

---

⁶⁹ Имя Фомы Аквинского не включено в список, поскольку этот великий ученый занимался в основном богословием и философией.

⁷⁰ Исследователи наследия Гуго фокусируются отдельно на его философии, его истории или его «психологии», что красноречиво свидетельствует о фрагментации науки в наше время.

⁷¹ Serge Lusignan and Monique Paulmier-Foucart (eds.), *Lector et compiler: Vincent de Beauvais* (Grâne, 1997).

⁷² Tom McLeish, 'In Conversation with a Medieval Natural Philosopher', *Emmanuel College Magazine* 100 (Cambridge, 2018), 147–62, at 147.

⁷³ Alistair C. Crombie, *Robert Grosseteste and the Origins of Experimental Science* (Oxford, 1953); Richard W. Southern, *Robert Grosseteste* (Oxford, 1986); он же, 'Grosseteste, Robert', *ODNB* 24, 79–86.

Возможно, Роджер Бэкон, монах-францисканец, был учеником Гроссетеста. Он учился и затем преподавал философию и теологию в Оксфорде, но тоже получил известность благодаря исследованиям природы, от астрономии до оптики и алхимии. Как и (позднее) Леонардо, он пытался построить летательный аппарат⁷⁴. Благодаря трем францисканским миссионерам Роджер из первых рук получал актуальные сведения о монголах, чьи стремительные завоевательные походы в те годы наводили ужас на европейцев⁷⁵. Он также писал работы по математике и языкознанию. О том, что современники считали Бэкона полиматом, свидетельствует легенда (аналогичная той, которую мы приводили выше в связи с Гербертом Орильякским): в его кабинете якобы стояла бронзовая голова, которая отвечала на все вопросы. Подобные мифы о полиматах имеют очень давнюю историю.

Самыми амбициозными из средневековых полиматов были, конечно, Альберт Великий и Раймунд Луллий. Альберта Великого (ок. 1200–1280) не следует путать с Альбертом Саксонским (ок. 1316–1390), который внес весомый вклад в логику, математику и физику. Альберт Великий, монах-доминиканец из Германии, прославился при жизни как «универсальный доктор» (*doctor universalis*) или «сведущий доктор» (*doctor expertus*), и эти прозвища подтверждают широту и глубину его знаний. Один из студентов Альберта назвал его «человеком, настолько подобным Богу в каждой из наук (*vir in omni scientia adeo divinus*), что его по праву можно именовать чудом и сокровищем нашего века»⁷⁶. Альберт изучал теологию, философию, алхимию, астрологию и музыку, прокомментировал все известные труды Аристотеля и был знаком с работами некоторых ведущих ученых исламского мира. Он проводил наблюдения за растениями, изучал минералы и составил их собственную классификацию. Говорили, что у него была статуя (как сегодня сказали бы, робот), которая, может, и не отвечала на вопросы, как бронзовые головы в кабинетах его коллег Герберта и Роджера, но могла двигаться и говорить «здравствуй» (*salve*).

Что касается каталонца Раймунда Луллия (1232–1316), его разнообразные познания отразились в сочинениях – в общей сложности их насчитывается около 260, причем в это число входят два романа, книга об искусстве любви и «Древо Знания» (*Arbor Scientiae*), – в том, что он выучил арабский язык, прежде чем отправиться миссионером в Северную Африку, и, что самое главное, в его книге «Великое искусство» (*Ars Magna*, 1305–1308), которую Умберто Эко назвал системой «совершенного языка», предназначенного для «обращения неверных»⁷⁷. В «Великом искусстве» Луллий использует логику, риторику и математику, чтобы научить читателя находить, запоминать и представлять аргументы, комбинируя различные понятия с помощью кругов (техника, известная как *ars combinatoria*, явно позаимствованная у арабских астрологов, использовавших устройство под названием «заирджа»). Три столетия спустя идеи Луллия привлекут внимание величайшего полимата XVII столетия Готфрида Вильгельма Лейбница. Стоит ли говорить, что в эпоху компьютерных технологий интерес к рассуждениям Луллия о комбинаторике неуклонно растет⁷⁸.

⁷⁴ Alistair C. Crombie and John North, 'Bacon, Roger', *DSB* 1 (New York, 1981), 377–85; G. Mollant, 'Bacon, Roger', *ODNB* 3, 176–81.

⁷⁵ Джованни дель Плано Карпини, Бенедикт Поляк и Гильом де Рубрук. См.: Bert Roest, *Reading the Book of History: Intellectual Contexts and Educational Functions of Franciscan Historiography, 1226–ca 1350* (Groningen, 1996), 114, 120.

⁷⁶ Ульрих из Страсбурга, цит. по: Irvn M. Resnick (ed.), *A Companion to Albert the Great* (Leiden, 2013), 1. См. также: James A. Weisheipl (ed.), *Albertus Magnus and the Sciences* (Toronto, 1980); Gerbert Meyer and Albert Zimmermann (eds.), *Albertus Magnus, Doctor Universalis 1280/1980* (Mainz, 1980), содержащие главы о вкладе Альберта Великого в медицину, зоологию и ботанику.

⁷⁷ Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с ит. – СПб.: ALEXANDRIA, 2007. С. 74.

⁷⁸ Paolo Rossi, *Clavis Universalis: arti mnemoniche e logica combinatorial da Lullo a Leibniz* (Milan and Naples, 1960), esp. 61–74; Dominique Urvoey, *Penser l'Islam. Les pré-supposés Islamiques de l'«art» de Lull* (Paris, 1980); Umberto Eco, *The Search for the Perfect Language* (Oxford, 1995), 53–72, at 53; John N. Crossley, *Raymond Llull's Contributions to Computer Science* (Melbourne, 2005); Anthony Bonner, *The Art and Logic of Ramon Llull: A User's Guide* (Leiden, 2007). 2. ЭПОХА «ЧЕЛОВЕКА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

2

Эпоха «человека Возрождения»

1400–1600

В Европе XV – XVI столетий количество информации, циркулировавшей в обществе, быстро нарастало. В русле движения, которое мы теперь называем Возрождением или Ренессансом, ученые трудились над восстановлением античных греческих и римских знаний, утраченных в период Средневековья. Исследователи и завоеватели неизведанных до тех пор частей Европы, Азии и обеих Америк тоже привозили с собой новые знания о мире, в то время как изобретение книгопечатания позволяло и старой, и новой информации распространяться быстрее и дальше. Тем не менее в этот период у некоторых ученых сохранялась возможность определять, что именно должно преподаваться и изучаться в университетах, курс которых включал теперь не только упомянутые выше средневековые тривиум и квадривиум, но и *studia humanitatis*, пять гуманитарных наук – грамматику, риторику, поэзию, историю и этику, – способствовавших, как предполагалось, приближению студентов к идеалам гуманизма.

Однако при мысли об эпохе Ренессанса мы обычно вспоминаем не только ученых, но и художников, и прежде всего так называемого универсального человека эпохи Возрождения, столь часто фигурирующего в названиях исследовательских работ⁷⁹. Как мы уже видели, о полиматах XX столетия, в том числе Бенедетто Кроче, Герберте Саймоне и Джозефе Нидеме, говорили как о последних представителях этого «вида». Отождествление широко образованных людей с эпохой Возрождения – во многом заслуга великого швейцарского историка культуры Якоба Буркхардта.

В своей знаменитой работе «Культура Италии в эпоху Возрождения» (*Die Kultur der Renaissance in Italien*), впервые опубликованной в 1860 году, но регулярно переиздаваемой по сей день, Буркхардт представил нескольких выдающихся деятелей эпохи – Франческо Петрарку, Леона Баттисту Альберти, Джованни Пико делла Мирандолу и Леонардо да Винчи – как примеры «всесторонних» или по крайней мере «многосторонних» личностей (*der allseitige Mensch, der vielseitige Mensch*)⁸⁰. Называя их «гигантами», Буркхардт особенно подробно останавливается на двоих: Альберти и Леонардо.

Другие авторы XIX века пишут о выдающихся личностях эпохи Возрождения сходным образом. Еще до Буркхардта французский историк Эдгар Кине писал о Леонардо: «Гражданин всех миров... анатом, химик, музыкант, геолог, импровизатор, поэт, инженер, физик»⁸¹. После Буркхардта и, по-видимому, вторя ему, Джордж Элиот в романе «Ромола» (*Romola*, 1862–1863) восхваляет Альберти: «...сильный универсальный ум, одновременно практический и теоретический, художник, ученый муж, изобретатель, поэт»⁸².

---

⁷⁹ Agnes Heller, *Renaissance Man* (1982: English translation, London 1984); Dorothy Koenigsberger, *Renaissance Man and Creative Thinking* (Atlantic Highlands, NJ, 1979).

⁸⁰ Jacob Burckhardt, *The Civilisation of the Renaissance in Italy* (1860: English translation, London 1878), гл. 2, часть 2.

⁸¹ Edgar Quinet, *Révolutions d'Italie* (Paris, 1849), цит. и пер. в: J. B. Bullen, *The Myth of the Renaissance in Nineteenth-Century Writing* (Oxford, 1994), 175.

⁸² George Eliot, *Romola* (1863), цит. по: Bullen, *Myth*, 218.

Идеал универсальности

Идеал разностороннего, или универсального, человека (*uomo universale*) появился именно в эпоху Возрождения. Один из великих итальянских учителей XV века, Витторино да Фельтре, «часто хвалил то универсальное образование, которое греки называли *encyclopaedia*, говоря, что ради пользы товарищей совершенный человек должен уметь рассуждать о натур-философии, этике, астрономии, геометрии, гармонии, арифметике и топографии». Его идеалом было знание «многих и разных наук»⁸³. Персонаж диалога о «гражданской жизни» (*la vita civile*), написанного флорентийцем Маттео Пальмиери, задается вопросом: «Как человек мог бы изучить множество вещей и сделать себя универсальным (*farsi universale*) во многих прекрасных искусствах?»⁸⁴ Знаменитым воплощением идеала универсального человека был Фауст. Герой оригинальной немецкой «Книги о Фаусте» (*Faustbuch*) 1587 года «обладал неутолимой жадой знаний»⁸⁵.

В этих определениях идеала универсального человека главное место занимает научное знание, центральная тема нашей книги. Другие варианты еще более амбициозны и требуют от человека способностей и умений как в деятельной жизни (*vita activa*), так и в созерцательной (*vita contemplativa*): в те времена это противопоставление часто уподоблялось различию между «оружием» и «словом»⁸⁶. Есть и определения, предполагающие, что универсальный человек должен быть сведущ в изящных искусствах. Например, во впервые опубликованном в 1528 году диалоге Бальдассаре Кастильоне о придворном один из персонажей говорит, что идеальный придворный должен не только уметь обращаться с оружием и быть «образованным выше среднего» (*più che mediocrementе erudito*) в гуманитарных науках, но и владеть искусством танца, живописи и музыки⁸⁷.

Идеал универсального человека нашел отражение и в рыцарском романе императора Максимилиана «Белый король» (*Weisskunig*, 1505–1516), написанном за несколько лет до книги Кастильоне. Герой этого сочинения искусен в каллиграфии, свободных искусствах, магии, медицине, астрологии, музыке, живописи, строительстве, охоте, военном и даже плотницком деле, а также владеет одиннадцатью языками⁸⁸. Француз Франсуа Рабле живо описывает многостороннее образование в вымышленных биографиях своих персонажей – великанов Гаргантюа и Пантагрюэля. Гаргантюа изучал не только свободные искусства, но и военное дело и медицину, а когда на улице шел дождь, отправлялся наблюдать, как работают ремесленники. Своему сыну Пантагрюэлю он советовал учиться так же: осваивать свободные искусства, право, медицину и естествознание, короче говоря, «бездну знаний» (*un abysme de science*)⁸⁹.

В Англии история представлений об универсальном знании восходит к началу XVI столетия: первопечатник Уильям Кэкстон упоминает об «универсальном человеке, сведущем почти во всех науках»⁹⁰. Идеал разностороннего человека сформулировал сэр Томас Элиот в «Книге,

⁸³ William H. Woodward, *Vittorino da Feltre and Other Humanist Educators* (Cambridge, 1897), 1–92, на основе жизнеописания Витторино, составленного Бартоломео Платина.

⁸⁴ Matteo Palmieri, *Vita Civile*, ed. Gino Belloni (Florence, 1982), 43.

⁸⁵ Eliza M. Butler, *The Fortunes of Faust* (Cambridge, 1952). Гл. 1.

⁸⁶ James J. Supple, *Arms versus Letters: The Military and Literary Ideals in the Essais of Montaigne* (Oxford, 1984).

⁸⁷ Baldassare Castiglione, *Il Cortegiano* (1528; ed. Bruno Maier, Turin 1964), книга 1, части 44–49.

⁸⁸ Maximilian, *Weisskunig*, ed. H. T. Musper (Stuttgart, 1956). Однако Ян-Дирк Мюллер (Jan-Dirk Müller, *Gedachtnus: Literatur und Hofgesellschaft um Maximilian I* (Munich, 1982), 242 отвергает интерпретацию этого текста с точки зрения представлений о «человеке эпохи Возрождения».

⁸⁹ François Rabelais, *Pantagruel* (с. 1532), гл. 8; *Gargantua* (1534), гл. 23–24. Выражение *abysme de science* позже использовалась для характеристики познаний французского полимата Гийома Постеля.

⁹⁰ William Caxton, *Chronicle* (1520), процитировано в «Оксфордском словаре английского языка» (Oxford English Dictionary) в статье Universal.

именуемой Правитель» (*Book Named the Governor*, 1531) – трактате об образовании юношей из высшего сословия. Элиот не только рассуждает о том, что называет «кругом учения», которому должны следовать студенты, но и пишет, что джентльмену полагается уметь сочинять музыку, писать красками и даже ваять, а не только изучать академические дисциплины⁹¹. Однако этот образ благородного любителя, уже заметный в «образованном выше среднего» герое Кастильоне, следует отличать от идеала, которым руководствовались люди, подобные Альберти, стремившиеся преуспеть во всем, чем занимались.

---

⁹¹ Thomas Elyot, *The Book Named the Governor* (1531; факсимильное издание – Menston, 1980), ch. 8.

Миф об универсальности

Несмотря на приведенные выше яркие примеры, можно сказать, что Буркхардт и некоторые его современники преувеличивали самобытность того интеллектуального «вида», который называли универсальным человеком или человеком Возрождения (вопрос о женщине эпохи Возрождения мы рассмотрим чуть ниже). Не все процитированные свидетельства современников настолько ясны и однозначны, как это может показаться на первый взгляд. Например, Кастильоне в своем диалоге позволяет другим персонажам оспаривать многостороннюю образованность, осуждая людей, которые «все время пытаются делать вещи, о которых ничего не знают, игнорируя при этом то, в чем разбираются» (традиционно считается, что этот пассаж содержит намек на Леонардо)⁹².

Кроме того, «гаргантюанская» в буквальном смысле образовательная программа, описанная Рабле, часто всерьез воспринимается как выражение ренессансного идеала, но в ней можно усмотреть и пародию на этот идеал. Что касается Фауста, его неумная жажда знаний в оригинальной «Книге о Фаусте» осуждалась как пример духовной гордыни. Доктор Фауст представлен в ней не как герой, а как образ-предостережение. Осуждение любознательности богословами, например Августином, в XVI веке по-прежнему воспринималось всерьез.

Сам Буркхардт тоже был разносторонним человеком: он писал стихи, делал зарисовки и играл на фортепиано, а также преподавал и писал книги по истории и истории искусства (в его время в немецкоязычной ученой среде эти две дисциплины стали самостоятельными). Как историк Буркхардт не хотел специализироваться на конкретном периоде и писал об истории культуры Греции, эпохе Константина Великого и (в лекциях, опубликованных уже после его смерти) о том, что считал мировым кризисом своего времени. Поэтому неудивительно, что его привлекали такие разносторонние фигуры, как Альберти и Леонардо, и он хотел видеть в них типичных представителей эпохи – золотого века, предшествовавшего железному веку интеллектуальной и культурной специализации. В этом смысле Буркхардт внес свой вклад в то, что мы ранее определили как «мифологию полиматов»⁹³.

Существует множество определений мифа. В том, которому мы будем следовать в этой книге, выделяются две главные черты. Это история о прошлом, которая рассказывается, чтобы оправдать или осудить ситуацию в настоящем, а также история, в которой протагонисты больше, чем просто живые люди. Сама история может быть полностью вымышленной, но не обязательно лживой. Под шелухой преувеличений в ней часто содержится зерно истины. Давайте посмотрим, жили ли люди той эпохи согласно идеалу универсального человека и до какой степени им это удавалось.

---

⁹² Castiglione, *Il Cortegiano*. Книга 2, часть 39.

⁹³ Werner Kaegi, *Jacob Burckhardt: eine Biographie* (6 vols., Basel, 1947–77); Hugh R. Trevor-Roper, 'Jacob Burckhardt', *Proceedings of the British Academy* 70 (1984), 359–78. См. также: J. B. Bullen, *The Myth of the Renaissance in Nineteenth-Century Writing* (Oxford, 1994).

Действие и мысль

Буркхардт писал о сочетании талантов, присущем Леону Баттисте Альберти. В анонимной биографии, которую большинство исследователей считают автобиографией, Альберти описан как человек настолько «разносторонний», что, помимо мастерства во всех видах изящных искусств, ему удалось отличиться и в верховой езде, прыжках и метании копья⁹⁴. У нас нет возможности проверить слова о спортивных подвигах Альберти, но широтой его кругозора восхищались многие современники. Гуманист Кристофоро Ландино задавался вопросом (риторическим): «Какой из разделов математики ему не был знаком? Геометрия, арифметика, астрономия, музыка, – а в перспективе он просто творил чудеса». В любом случае некоторые достижения Альберти сохранились до сих пор: спроектированные им здания, трактаты о живописи и архитектуре, диалог о семье, небольшая книжица по математическим играм и автопортрет на бронзовом медальоне⁹⁵.

Благодаря биографии, написанной одним из учеников, мы знаем, что голландский ученый XV века Рудольф Агрикола, известный главным образом своими исследованиями в области логики, был еще одним «человеком разносторонней учености» (*multiplex scientia*), который следовал примеру Альберти в занятиях живописью, скульптурой, музыкой и гимнастикой и, помимо этого, изготовил орган⁹⁶.

В XVI веке некоторые люди, уступавшие Альберти или Агриколе в широте познаний, все-таки сочетали деятельную жизнь с созерцательной, оружие со словом. Например, испанские дворяне Гарсиласо де ла Вега и Алонсо де Эрсилья были одновременно воинами и поэтами. Гарсиласо воевал в Европе и Северной Африке и прославился своей лирикой, в то время как Эрсилья сражался на территории современного Чили, а на основе событий войны между местными жителями и испанцами написал эпическую поэму. Филипп Сидни, англичанин елизаветинской эпохи, погибший в сражении в Нидерландах, остался в людской памяти благодаря своим стихам и роману «Аркадия» (*Arcadia*).

Другой современник Елизаветы, Уолтер Рэли, был ближе к идеалу универсального человека. Стоя на эшафоте перед казнью за участие в заговоре против короля Якова I, он назвал себя «солдатом, капитаном, моряком и придворным». Он мог бы добавить, что был еще поэтом и ученым, автором всемирной истории. Он путешествовал по Виргинии и территории современной Венесуэлы, и его интерес к дальним странам и их жителям нашел отражение в книге «Открытие Гвианы» (*Discovery of Guiana*, 1596). Современники говорили о Рэли как о «неутомимом читателе» и «великом химике» (иными словами, алхимике)⁹⁷.

Что касается Джеймса Криктон, то этот благородный шотландец заслужил эпитет «изумительный во всех науках» (*omnibus in studiis admirabilis*). «Изумительный Криктон», как его называют до сих пор, прибыл в Италию в 1579 году в возрасте девятнадцати лет и стал своеобразным странствующим рыцарем-интеллектуалом, вызывавшим на дебаты университетских профессоров. Криктон погиб молодым – он был убит сыном своего работодателя, герцога Мантуи, – но успел произвести впечатление на некоторых современников-итальянцев. Один из них

---

⁹⁴ Riccardo Fubini and Anna Nenci Gallorini, 'L'autobiografia di Leon Battista Alberti', *Rinascimento* 12 (1972), 21–78, at 68; English translation in: James B. Ross and Mary M. McLaughlin (eds.), *The Portable Renaissance Reader* (revised edn, Harmondsworth 1978), 480. См. также: Anthony Grafton, *Leon Battista Alberti: Master Builder of the Italian Renaissance* (London, 2001), 17–29.

⁹⁵ Cristoforo Landino, *Apologia di Dante*, цит. по: Joan Gadol, *Leon Battista Alberti: Universal Man of the Early Renaissance* (Chicago, 1969), 3.

⁹⁶ Werner Straube, 'Die Agricola-Biographie des Johannes von Plienigen', in Wilhelm Kühlmann, *Rudolf Agricola 1444–1485* (Bern, 1994), 11–48.

⁹⁷ Stephen Greenblatt, *Sir Walter Raleigh: The Renaissance Man and his Roles* (New Haven, 1973); Mark Nicholls and Penry Williams, 'Raleigh, Walter', *ODNB* 45, 842–59; Nicholls and Williams, *Sir Walter Raleigh in Life and Legend* (London, 2011).

так описывал Криктона: «Он знает десять языков... философию, теологию, математику и астрологию... Он превосходно разбирается в каббале... импровизирует стихи любым метром... делает глубокие замечания о политике», не говоря уже о его воинской доблести, достоинствах атлета, танцора и «великолепного придворного»⁹⁸.

В этот период были и те, кто сочетал ученость с государственной службой. Таковы два английских юриста, в итоге ставшие лорд-канцлерами, то есть занявшие самую высокую должность в своей профессии: Томас Мор и Фрэнсис Бэкон. Мор был ученым-гуманистом, теологом, автором «Утопии», а Бэкон опубликовал ряд эссе, биографию короля Генриха VII и трактат «О достоинстве и приумножении наук» (*Of the Proficiency and Advancement of Learning*, 1605), размышление о методах, с помощью которых можно увеличить знания. Бэкон проводил естественно-научные эксперименты и, как говорили, умер от пневмонии, простудившись во время опыта по замораживанию куриной тушки с целью предотвращения ее порчи⁹⁹.

---

⁹⁸ Aldo Manutio, *Relatione de Iacomo di Crettone* (Venice, 1581); James H. Burns, 'Crichton, James', *ODNB* 14, 183–6, at 184.

⁹⁹ Paolo Rossi, *Francis Bacon, from Magic to Science* (1957: English translation, London, 1968); J. Martin, *Francis Bacon, the State, and the Reform of Natural Philosophy* (Cambridge, 1992).

Ученые

Совсем немногие из упомянутых до сих пор «людей Возрождения» могут считаться полиматами в строгом смысле слова. Однако в рассматриваемый период в Европе не было недостатка в разносторонних ученых, которых в то время называли «многознающими» (*multiscius* – прилагательное, использовавшееся испанским гуманистом Хуаном Луисом Вивесом) или «людьми многих познаний», *multiplex scientia*, как писал биограф голландского гуманиста Рудольфа Агриколы. Мы уже видели, что для того, чтобы быть ученым-гуманистом и преподавать в университете, требовалось владеть как минимум пятью дисциплинами. Эразм Роттердамский, самый знаменитый гуманист, также прекрасно разбирался в филологии и теологии. Однако продвигаться дальше в исследованиях он не хотел и напоминал своим читателям, что Сократ критиковал интерес к «тем наукам, что не являются необходимыми», в частности к астрологии и геометрии, считая, что должный объект для изучения – это человек. Говоря словами благожелательно настроенного историка, Эразм только «стремился к чему-то типа полиматии»¹⁰⁰.

Другие гуманисты были более активными и следовали примеру Аристотеля, а не Сократа. Например, Филипп Меланхтон, которого теперь помнят как теолога и ближайшего виттенбергского соратника Лютера, изучал и преподавал не только риторику и греческий язык, но и математику, астрономию, астрологию, анатомию и ботанику¹⁰¹.

Особенно стремился к универсальности знаний Джованни Пико делла Мирандола. Он знаменит своей «Речью о достоинстве человека» (*Oratio de Hominis Dignitate*, 1486), своего рода манифестом ренессансного гуманизма, но его интересы простирались гораздо дальше. Когда ему было всего двадцать три года, в 1486 году, он собирался публично защитить в Риме 900 тезисов – «диалектических, моральных, физических, математических, метафизических, теологических, магических и каббалистических», но эта защита так и не состоялась. Пико утверждал, что математика есть «метод изучения всего, что может быть познано» (*via ad omnis scibilis investigationem*). Он выучил иврит, арамейский и арабский языки и был особенно увлечен тайной еврейской традицией каббалы, которую он «впустил... в христианский мир». Его интересовала не только каббалистическая мистика, но и использование еврейских букв и слов в магических целях – этот метод Пико сравнивал с комбинаторикой Раймунда Луллия¹⁰².

В памфлете Эразма «Цицеронианец» (*Ciceronianus*, 1528) один из персонажей описывает Пико как «всестороннего человека» (*ingenium ad omnia factum*), в то время как в жизнеописании, написанном племянником Пико, он выведен как один из «людей, которые являются знаками в любой науке» (*virum omni disciplinarum genere consummatissimum*). Как мы увидим в дальнейшем, полиматы позднейших эпох и их почитатели часто говорили о Пико как о примере для подражания¹⁰³.

Не стоит видеть в Пико делла Мирандола человека, который шел наперекор традиции. Его 900 тезисов начинаются с шестнадцати умозаключений «согласно Альберту» – то есть Альберту Великому, «универсальному доктору». Также в них есть ссылки на Ибн Рушда, Ибн Сину и аль-Фараби. Интеллектуальный турнир, который Пико предложил устроить в Риме, следовал

¹⁰⁰ André Godin, 'Erasmus: *Pia/Impia curiositas*', in Jean Céard (ed.), *La curiosité à la Renaissance* (Paris, 1986), 25–36; Brian Cummings, 'Encyclopaedic Erasmus', *Renaissance Studies* 28 (2014), 183–204, at 183.

¹⁰¹ Dino Bellucci, 'Mélanchthon et la défense de l'astrologie', *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance* 50 (1988), 587–622; Sachiko Kusukawa, *The Transformation of Natural Philosophy: The Case of Philip Melanchthon* (Cambridge, 1995).

¹⁰² Chaim Wirszubski, *Pico della Mirandola's Encounter with Jewish Mysticism* (Cambridge, MA, 1989), 121, 259.

¹⁰³ Eugenio Garin, *Giovanni Pico della Mirandola: vita e dottrina* (Florence, 1937); Frances Yates, 'Pico della Mirandola and Cabalist Magic', in *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition* (London, 1964), 84–116; William G. Craven, *Giovanni Pico della Mirandola, Symbol of his Age* (Geneva, 1981); Steve A. Farmer, *Syncretism in the West: Pico's 900 Theses* (Tempe, AZ, 1998).

средневековому образцу принятых в Пражском и других университетах диспутов под названием *quodlibet* (в переводе с лат. – «что угодно»), когда университетский профессор готовил вопросы для обсуждения по любым дисциплинам¹⁰⁴.

Внушительное количество людей (50 из 500 в моей выборке, все родились до 1565 года) являются хорошими претендентами на то, чтобы считаться полиматами эпохи Ренессанса. Пять прекрасных примеров, приведенных ниже, включают немца, двух французов, англичанина и швейцарца: это Генрих Корнелиус Агриппа, Жан Боден, Жозеф Скалигер, Джон Ди и Конрад Геснер.

Агриппу считают прототипом символа всезнания, доктора Фауста. В пьесе Кристофера Марлоу Фауст хвастается, что станет «столь же хитроумным, как Агриппа» (в те времена слово «хитроумный» относилось к знаниям в целом). Прежде чем заняться науками, Агриппа прошел военную службу, тем самым объединив оружие со словом; ему также довелось быть дипломатом и врачом. Его интересы включали в себя теологию, философию, право, медицину, алхимию, магию и тайное учение каббалы, которое так занимало Пико делла Мирандолу. Агриппа, называвший себя «пожирателем книг» (*helluo librorum*), много почерпнул из трудов Плиния Старшего и составил комментарий к Раймунду Луллию. К числу написанного им принадлежат «О тщете наук» (*De incertitudine et vanitate scientiarum*, 1527), общий обзор человеческого знания со скептических позиций, и «Оккультная философия» (*De Occulta Philosophia Libri III*, 1531–1533), трактат о магии (природной, небесной и культовой), в котором автор утверждает, что она может разрешить проблемы, поднятые скептиками. Ходили слухи, что черная собака Агриппы была на самом деле дьяволом. Подобно Герберту Орильякскому, Роджеру Бэкону и Альберту Великому, Агриппа вызывал неоднозначное отношение, в котором сочетались восхищение и настороженность¹⁰⁵.

Жан Боден описан у историка Хью Тревор-Ропера как «бесспорный интеллектуальный авторитет конца XVI столетия»¹⁰⁶

---

¹⁰⁴ У. Крейвен – W. Craven, *Giovanni Pico della Mirandola* (Geneva, 1981) – подчеркивает средневековое наследие у Пико и отрицает, что его диссертация была посвящена всем наукам.

¹⁰⁵ Yates, 'Cornelius Agrippa's Survey of Renaissance Magic', in *Giordano Bruno*, 130–43; Charles G. Nauert Jr., *Agrippa and the Crisis of Renaissance Thought* (Urbana, IL, 1965); Rudolf Schmitz, 'Agrippa, Heinrich Cornelius', *DSB* 1, 79–81; Christoph I. Lehrich, *The Language of Demons and Angels: Cornelius Agrippa's Occult Philosophy* (Leiden, 2003).

¹⁰⁶ Hugh R. Trevor-Roper, *The European Witch-Craze of the 16th and 17th centuries* (1969: Harmondsworth, 1978 edn), 47.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.